

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ХИРУРГ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Джейн Риццоли и Маура Айлз

Тесс Герритсен

Хирург

«Азбука-Аттикус»

2001

Герритсен Т.

Хирург / Т. Герритсен — «Азбука-Аттикус», 2001 — (Джейн Риццоли и Маура Айлз)

ISBN 978-5-389-09698-1

Он проникает в дома по ночам и неслышно входит в спальни женщин, которые, пробудившись ото сна, попадают в оживший кошмар. Судя по тому, что он проделывает со своими жертвами, можно предположить, что он близко знаком с медициной, и газетчики присваивают ему прозвище Хирург. В ходе расследования детективы Томас Мур и Джейн Риццоли обнаруживают, что преступник копирует почерк серийного маньяка, убитого два года назад, причем копирует до мельчайших подробностей, известных очень немногим. Они решают встретиться с выжившей жертвой убитого маньяка – доктором Кэтрин Корделл. Именно она застрелила своего мучителя, и, похоже, именно она становится главной целью подражателя. С каждым очередным убийством он подбирается к ней все ближе...

ISBN 978-5-389-09698-1

© Герритсен Т., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
1	8
2	13
3	17
4	26
5	37
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тесс Герритсен Хирург

© И. Литвинова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015 Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Благодарности

Выражаю особую признательность

Брюсу Блейку и детективу Уэйну Р. Року из Бостонского управления полиции и доктору медицины Крису Микалакесу за техническую помощь в работе;

Джейн Берки, Дону Клири и Андреа Сирилло за полезные критические замечания;

моему редактору Линде Марроу за нежное наставничество;

моему ангелу-хранителю Мег Рули (каждому писателю необходимо иметь свою Мег Рули!).

И моему мужу Джекобу. Как всегда, Джекобу.

Пролог

Сегодня они найдут ее тело.

Я знаю, как это произойдет. Я живо представляю себе всю цепочку событий, которые приведут к находке. В девять утра эти высокомерные дамочки из туристического агентства «Кендалл и Лорд» рассядутся по местам, и их холеные пальчики с идеальным маникюром застучат по клавиатурам компьютеров, бронируя средиземноморский круиз для госпожи Смит, горнолыжный курорт Клостерс для господина Джоунса, а для господина и госпожи Браун на этот раз что-нибудь необычное, экзотическое – может быть, Чиангмай или Мадагаскар, – но не слишком суровое, о нет, приключение должно быть прежде всего комфортным. Собственно, таков девиз агентства «Кендалл и Лорд»: «Для любителей комфортного риска». Агентство пользуется популярностью, и телефоны не смолкают.

Уже очень скоро дамочки заметят, что Дианы на месте нет.

Одна из них позвонит ей домой, в жилой комплекс Бэк-Бей, но на звонок никто не отвечает. Возможно, Диана в душе и попросту не слышит звонка. А может, она уже выехала на работу, но опаздывает. Да мало ли какие могут быть причины – и все вполне безобидные. Но рабочий день будет в разгаре, а настойчивые попытки дозвониться ни к чему не приведут, и тогда в голову ползут другие, уже тревожные мысли.

Думаю, именно комендант дома впустит коллегу Дианы в квартиру. Я вижу, как он нервно теребит в руках связку ключей и повторяет: «Вы ведь ее подруга, верно? Вы уверены, что она не будет возражать? Потому что я буду вынужден сказать ей о вашем визите».

Они заходят в квартиру, и коллега зовет: «Диана! Ты дома?» Они идут по коридору, стены которого увешаны туристическими рекламными плакатами в изящных рамках, и комендант семенит сзади, следя за тем, чтобы гостья ничего не украла.

Из коридора он заглядывает в дверь спальни. Видит Диану Стерлинг, и уже такие пустяки, как кража, его не волнуют. Сейчас у него единственное желание – поскорей выбраться из этой квартиры, пока не стошнило.

Мне бы очень хотелось быть там, когда приедет полиция, но я не так глуп. Я знаю, что они будут проверять каждую проезжающую машину, каждое лицо, выделяющееся в толпе зевак. Они знают, как велико мое желание вернуться. Даже сейчас, когда я сижу в кофейне «Старбакс» и наблюдаю медленный рассвет, я чувствую, что ее спальня зовет меня. Но, подобно Одиссею, я надежно привязан к мачте своего корабля, чтобы не поддаваться песням сирен. Я не позволю себе разбиться о скалы. Я не совершу такой ошибки.

Вместо этого я сижу и пью кофе, пока за окном просыпается Бостон. Я кладу в чашку три ложки сахара: я люблю сладкий кофе. Я люблю, чтобы все было правильно. Идеально. Безупречно.

А вдалеке кричат сирены, они зовут меня. Я ошущаю себя Одиссеем, который пытается разорвать путы, но они крепко держат меня.

Сегодня они найдут ее тело.

Сегодня они узнают, что мы вернулись.

1

Год спустя

Детектив Томас Мур ненавидел запах латекса и сейчас, натягивая перчатки, из которых вырывалось облачко талька, ощутил, что к горлу подступает тошнота. Этот запах резины сопровождал самый неприятный аспект его работы и неизменно ассоциировался с кровью и продуктами жизнедеятельности человека. В такие минуты Мур мысленно сравнивал себя с собакой Павлова, натренированной на слюноотделение при виде пищи. Запах был для него своего рода обонятельным сигналом взять себя в руки.

Что он и сделал, прежде чем войти в прозекторскую. После уличной духоты в морге было особенно прохладно, и он чувствовал, как остывают на коже капельки пота. Пятница двенадцатого июля выдалась необыкновенно жаркой, и по всему Бостону надрывно шумели кондиционеры, перемалывая горячий воздух. На мосту Тобин уже томились в пробке автомобилисты, устремившиеся на север, в прохладные леса Мэна. Но Томас Мур не был в числе этих счастливчиков. Его отозвали из отпуска, и теперь его ожидало соприкосновение с настоящим кошмаром.

Он уже облачился в хирургический халат, который достал из бельевого шкафа, осталось только надеть бумажный колпак, чтобы спрятать непослушные волосы, и бахилы – он не раз видел, сколько всякой гадости падает со стола на пол и, соответственно, на обувь. Кровь, обрывки тканей. Его нельзя было назвать чистюлей, но приносить домой на подошвах ошметки из прозекторской совсем не хотелось. На мгновение Мур замер перед дверью, потом сделал глубокий вдох и, готовый к испытанию, вошел в секционный зал.

Накрытый простыней труп лежал на столе, – судя по очертаниям, это была женщина. Мур не стал задерживать взгляд на мертвой и предпочел сосредоточиться на живых, присутствовавших на вскрытии. Судмедэксперт доктор Эшфорд Тирни и санитар морга раскладывали на столике инструменты. По другую сторону стола, прямо напротив Мура, стояла Джейн Риццоли, тоже из отдела по расследованию убийств. Тридцатитрехлетняя Риццоли была маленькой женщиной с волевым подбородком. Ее непокорные кудри были спрятаны под бумажной шапочкой, и лицо, лишенное мягкого обрамления волос, казалось, состояло сплошь из острых углов, а взгляд темных глаз был испытующим и твердым. Полгода назад ее перевели в убойный отдел из подразделения по борьбе с наркотиками. Она была единственной женщиной в команде, и в ее отношениях с одним из детективов уже успели возникнуть проблемы – обвинения в сексуальном домогательстве, встречные упреки в стервозности. Мур не мог сказать, что ему нравилась Риццоли, да и она к нему явно не благоволила. До сих пор им удавалось сохранять чисто деловые отношения, и казалось, она предпочитала именно такой стиль общения.

Рядом с Риццоли стоял ее напарник Барри Фрост, в высшей степени жизнерадостный полицейский. Круглая, лишенная растительности физиономия делала Барри значительно моложе его тридцати лет. Фрост работал с Риццоли вот уже два месяца и не жаловался. Пожалуй, он был единственным человеком в команде, который безропотно сносил ее дурной характер.

Когда Мур подошел к столу, Риццоли заметила:

- А мы все гадаем, когда же вы объявитесь.
- Я был на автостраде, когда вы позвонили мне на пейджер.
- Мы ждем здесь с пяти часов.

– Я только начинаю внутренний осмотр, – сказал доктор Тирни. – Так что детектив Мур прибыл как раз вовремя.

Вот она, мужская солидарность. Доктор Тирни хлопнул дверцей стеклянного шкафа, и она отозвалась жалобной дрожью. Это был редкий случай, когда Тирни позволил себе выплеснуть раздражение. Выходец из Джорджии, доктор Тирни был до мозга костей джентльменом и полагал, что леди должны вести себя как леди. Нельзя сказать, чтобы ему нравилось работать под руководством колючей Джейн Риццоли.

Санитар морга подкатил тележку с инструментами к столу, и в его коротком взгляде, брошенном на Мура, явственно читалось: «Неужели ты веришь этой стерве?»

– Сожалею, что вам сорвали рыбалку, – сказал Тирни Муру. – Но, похоже, ваш отпуск отменяется.

– Вы уверены, что это опять наш старый знакомый?

В ответ Тирни сдернул простыню с трупа:

– Ее имя Елена Ортис.

Хотя Мур и настроился на то, что зрелище будет не из приятных, первый взгляд, брошенный на жертву, был как удар кулаком в лицо. Свалявшиеся, в сгустках запекшейся крови, черные волосы женщины, словно иглы дикобраза, торчали вокруг лица цвета голубого мрамора. Приоткрытые губы застыли, словно в попытке что-то произнести. Кровь уже смыли с тела, и раны зияли пурпурными прорезами в сером полотне кожи. Видимых ран было две. Одна, особенно глубокая, рассекала горло от левого уха, затрагивая левую сонную артерию и обнажая гортанный хрящ. Типичный *coup de grâce*, смертельный удар. Вторая зияла в нижней части живота. Эта рана не была смертельной, она была нанесена с совершенно иной целью.

Мур с трудом сглотнул слюну:

– Теперь я понимаю, почему меня отозвали из отпуска.

– Руководить этим расследованием назначили меня, – сказала Риццоли.

В ее словах он уловил нотки предупреждения: она явно защищала свою территорию. Мур понимал, откуда это берется – постоянные насмешки и скептицизм по отношению к женщинам-полицейским заставляли их быть жесткими. По правде говоря, у него не было ни малейшего желания выяснять с ней отношения. Им предстояло вместе работать по этому делу, и сейчас не время было бороться за лидерство.

Мур постарался придать своему голосу уважительный тон:

– Не могли бы вы посвятить меня в обстоятельства происшествия?

Риццоли по-деловому кивнула:

– Жертва была обнаружена сегодня в девять утра в своей квартире на Вустер-стрит, в Южном округе. Обычно она приходит на работу в шесть утра. Цветочный салон «Селебрейшн Флористс» находится в нескольких кварталах от ее дома. Это семейный бизнес, которым владеют ее родители. Когда дочь не явилась на работу, они заволновались. Брат пошел к ней домой проверить, в чем дело. Он обнаружил ее труп в спальне. Доктор Тирни полагает, что смерть наступила между полуночью и четырьмя часами утра. По словам родных, в последнее время у нее не было приятеля, да и соседи по дому не видели, чтобы к ней заходил кто-то из мужчин. Обычная работающая католичка.

Мур взглянул на запястья жертвы:

– Она была связана.

– Да. Клейкая лента на запястьях и щиколотках. Ее нашли обнаженной. На ней были лишь некоторые ювелирные украшения.

– Что за украшения?

– Цепочка. Кольцо. Серьги-гвоздики. Шкатулка с украшениями в спальне не тронута. Так что ограбление как мотив убийства исключается.

Мур посмотрел на цепочку ссадин, опоясывающую бедра жертвы.

– Тело тоже было связано?

– На талии и бедрах следы клейкой ленты, которую используют для герметизации водопроводных труб. Рот тоже был заклеен.

Мур глубоко вздохнул:

– Боже...

Глядя на Елену Ортис, он в какой-то момент увидел перед собой другую молодую женщину, тоже мертвую, – блондинку с кровавыми ранами на шее и животе.

– Диана Стерлинг, – пробормотал он.

– Я уже взял из архива протокол вскрытия Стерлинг, – сказал Тирни. – На случай, если вам понадобится перечитать его.

Мур не видел в этом необходимости. Дело Стерлинг, расследованием которого он руководил, до сих пор было живо в памяти.

Год назад тридцатилетнюю Диану Стерлинг, служащую туристического агентства «Кендалл и Лорд», нашли мертвой в ее собственной квартире. Она была обнажена и привязана к кровати клейкой лентой. У Стерлинг были рассечены шея и низ живота. Убийцу так и не обнаружили.

Доктор Тирни направил луч лампы на живот Елены Ортис. Кровь уже смыли, и края раны теперь были бледно-розовыми.

– Есть какие-нибудь улики? – спросил Мур.

– Прежде чем труп был обмыт, мы сняли с тела несколько волокон. И еще волос, прилипший к краю раны.

Мур оживился:

– Волос жертвы?

– Гораздо короче. И светло-русый.

У Елены Ортис волосы были черные.

– Мы уже запросили образцы волос всех, кто соприкасался с телом, – встала Риццоли.

Тирни привлек их внимание к ране:

– Здесь мы имеем поперечный разрез. Хирурги называют это разрезом по Мэйларду. Передняя брюшная стенка рассекалась послойно: кожа, поверхностная фасция, мышцы и, наконец, брюшина.

– Как и у Стерлинг, – заметил Мур.

– Совершенно верно. Как у Стерлинг. Но есть различия.

– Да? Какие же?

– У Дианы Стерлинг рана была местами рваной, что указывает на некоторую нерешительность убийцы. А здесь этого нет. Видите, как четко проходит линия разреза? Ни разу не оборвавшись. Очевидно, что убийца нанес удар с абсолютной уверенностью. – Тирни встретился взглядом с Муром. – Наш неизвестный учится. Оттачивает технику.

– Если это тот самый неизвестный, – заметила Риццоли.

– Есть и другие схожие детали. Видите прямоугольный край раны? Это указывает на то, что разрез был сделан справа налево. Как и у Стерлинг. Лезвие, которым нанесена рана, прямое, без зазубрин. Таким же лезвием убили Стерлинг.

– Скальпель?

– Похоже на скальпель. Прямая линия разреза подтверждает, что лезвие не дрожало. Жертва была либо без сознания, либо так крепко связана, что не могла и шелохнуться, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться. Так что лезвие скользило как по маслу.

У Барри Фроста было такое выражение лица, будто его вот-вот вырвет.

– О боже! Умоляю, скажите, что она уже была мертва к тому моменту, когда он это сделал.

– Боюсь, это не посмертная рана. – В зеленых глазах Тирни, видневшихся над хирургической маской, полыхала злость.

– Что, было предсмертное кровотечение? – спросил Мур.

– Да, обнаружено скопление крови в тазовой полости. Это значит, что ее сердце еще работало. Она была жива, когда... происходила эта процедура.

Мур посмотрел на запястья, там были синие пятна. Такие же отметины виднелись и на обеих щиколотках, а бедра опоясывала точечная сыпь кровоизлияний. Судя по всему, Елена Ортис сопротивлялась, пытаясь вырваться из пут.

– Есть и другое доказательство того, что она была жива к моменту нанесения смертельной раны, – сказал Тирни. – Залезьте рукой в рану, Томас. Думаю, вы уже знаете, что там найдете.

Мур неохотно сунул руку в полость. Сквозь латекс перчатки он ощутил мягкую плоть, еще прохладную после длительной заморозки. У него вдруг возникло ощущение, будто он шарит внутри тушки индейки в поисках мешочка с потрохами. Он продвинул руку глубже, и его пальцы стали ощупывать стенки полости. Это было грубое вторжение в самую интимную часть женского тела. Он старался не смотреть на лицо Елены Ортис. Только так он мог сохранять бесстрастность, сосредоточившись исключительно на техническом аспекте надругательства над ее телом.

– Матка отсутствует. – Мур взглянул на Тирни.

Судмедэксперт кивнул:

– Ее удалили.

Мур вытащил руку из полости и уставился на рану, зияющую, словно открытая пасть. Теперь настала очередь Риццоли, и ее короткие пальцы принялись исследовать нутро жертвы.

– Больше ничего не тронули? – спросила она.

– Только матку, – сказал Тирни. – Мочевой пузырь и кишечник на месте.

– А что это за твердый узелок я нащупала слева? – спросила она.

– Это шовная нить. Он перевязал ею кровеносные сосуды.

Риццоли опешила:

– Так это хирургический узел?

– Простой кетгут два-ноль, – предположил Мур и взглядом обратился к Тирни за подтверждением.

Тирни снова кивнул:

– Тот же самый, что мы обнаружили в теле Дианы Стерлинг.

– Кетгут два-ноль? – слабым голосом спросил Фрост. Он уже отошел от стола и теперь стоял в углу возле раковины, приготовившись плевать. – Это что, название какого-то бренда?

– Нет, это не бренд, – сказал Тирни. – Кетгут – это хирургическая нить, изготовленная из кишок коровы или овцы. Она используется для зашивания глубоких слоев соединительной ткани. В теле нитки со временем рассасываются.

– Откуда у него мог взяться этот кетгут? – Риццоли взглянула на Мура. – Вы не проверяли источник, когда работали по делу Стерлинг?

– Установить конкретный источник практически невозможно, – ответил Мур. – Этот шовный материал производится десятками компаний, по большей части в Азии. Он до сих пор используется во многих зарубежных клиниках.

– Только в зарубежных?

В разговор вмешался Тирни:

– Сегодня существуют более совершенные материалы. Кетгут уступает синтетическим нитям в прочности и долговечности. Я сомневаюсь, что кто-то из врачей в США использует его сегодня.

– А зачем нашему убийце вообще понадобилось накладывать швы?

– Чтобы кровотечение не портило картину. Ему нужно было видеть, что он делает. Наш неизвестный – исключительный аккуратист.

Риццоли вытащила руку из раны. На резиновой ладони алел крохотный сгусток крови.

– Убийца имеет определенную квалификацию, но какую? Мы имеем дело с врачом или с мясником?

– Совершенно очевидно, что он обладает анатомическими познаниями, – сказал Тирни. – Не сомневаюсь, что он уже проделывал нечто подобное.

Мур сделал шаг назад от стола, пытаясь не думать о том, какие муки пришлось принять Елене Ортис, но избавиться от этих страшных мыслей было непросто. Жертва чудовищного истязания лежала перед ним, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами.

Из оцепенения его вывело звяканье инструментов в лотке, и он в удивлении обернулся. Оказывается, санитар уже подкатил тележку к доктору Тирни, и тот приготовился сделать Y-образный разрез. Теперь всеобщее внимание было приковано к ране в брюшной полости.

– И что потом? – спросил санитар. – Что он делает с удаленными матками?

– Этого мы не знаем, – сказал Тирни. – Органы исчезают бесследно.

2

Мур стоял на тротуаре в Саут-Энде – районе, где погибла Елена Ортис. Когда-то эти кварталы были скопищем унылых домиков, сдававшихся внаем, – запущенная округа, отделенная железнодорожными путями от респектабельной северной части Бостона. Но растущий город – ненасытное животное, жадно пожирающее новые земли, и железнодорожные пути для него не преграда. Новое поколение бостонцев открыло для себя Саут-Энд, и ветхие апартаменты постепенно были вытеснены уютными новостройками.

Елена Ортис проживала как раз в одном из таких современных жилых комплексов. Хотя вид из окон ее квартиры на втором этаже нельзя было назвать впечатляющим – прямо через дорогу находилась прачечная, – само здание предлагало своим жильцам редкие даже для Бостона удобства, вроде паркинга на примыкающей улочке.

Мур как раз прохаживался по этой улочке, вглядываясь в окна дома и задаваясь вопросом, не наблюдает ли кто за ним. Но за холодными стеклами не было никакого движения. Полиция уже опросила жильцов квартир, окна которых выходили на улочку, и ни один не представил полезной информации.

Мур остановился под окном ванной комнаты Елены Ортис, рядом с которым находился пожарный выход. Лестница, ведущая к нему, была сложена и зафиксирована защелкой. В ночь, когда убили Елену Ортис, автомобиль одного из жильцов был припаркован прямо под пожарным выходом. Позже на крыше автомобиля были обнаружены следы обуви сорок первого размера. Убийца использовал автомобиль как подставку, чтобы взобраться наверх.

Мур обратил внимание, что окно в ванной комнате закрыто. В ночь убийства оно закрыто не было.

Детектив покинул улочку, вернулся к парадному подъезду и вошел в дом.

Дверь в квартиру Елены Ортис пересекала полицейская лента. Мур открыл дверь и тут же испачкал ладони черным порошком, которым была обработана ручка. Когда он вошел в квартиру, сорванная лента зацепилась за его плечо.

Гостиная была точно такой, какой он запомнил ее еще вчера, когда приходил сюда вместе с Риццоли. Это посещение, отравленное духом соперничества, было не из приятных. Руководство расследованием изначально было поручено Риццоли, и она очень болезненно относилась к любым попыткам поколебать ее авторитет, особенно со стороны старших по возрасту коллег-мужчин. Хотя теперь они были единой командой, которая насчитывала уже пять детективов, Мур все равно чувствовал себя лазутчиком на чужой территории и любые свои фразы старался облекать в дипломатичную форму. У него не было ни малейшего желания втягиваться в битву характеров, которую навязывала ему Риццоли. Вчера он очень старался сосредоточиться на осмотре места происшествия, но в присутствии Риццоли ему это плохо удавалось.

Только сейчас, в одиночестве, он мог сконцентрироваться и внимательно изучить обстановку, в которой умерла Елена Ортис. В гостиной он увидел разношерстную мебель, расставленную вокруг плетеного кофейного столика. В углу на столе – компьютер. Бежевый ковер с рисунком из розовых цветов и виноградной лозы. По словам Риццоли, с момента убийства здесь ничего не трогали. За окном уже начинали сгущаться сумерки, но Мур не включал свет. Он долго стоял неподвижно, ожидая, пока настанет полный покой. Ему впервые представилась возможность побыть здесь одному, не отвлекаясь на чужие голоса и лица живых людей. Он представил себе, как постепенно замирают молекулы воздуха, потревоженные его вторжением. Ему хотелось, чтобы комната заговорила с ним.

Он ничего не чувствовал. Ни запаха смерти, ни трепета от недавнего ужаса.

Убийца вошел не через дверь. И он не бродил по квартире, оглядывая свое новое царство смерти. Его внимание было приковано исключительно к спальне.

Мур медленно прошел мимо крошечной кухни в коридор. И тут же почувствовал, как по коже побежали мурашки. У первой же двери он остановился и заглянул в ванную. Включил свет.

«Ночь на четверг жаркая. Настолько жаркая, что по всему городу люди распахнули окна в надежде поймать хоть глоток свежего воздуха. Ты таишься у пожарного выхода, потев в своей темной одежде, и разглядываешь окно ванной комнаты. Не слышно ни звука; женщина спит в своей спальне. Утром ей рано вставать, чтобы идти на работу в цветочный магазин, и в этот час ее сон переходит в самую глубокую фазу. Она не слышит, как ты скребешь шпателем, пытаясь снять москитную сетку».

Мур посмотрел на обои в мелких бутонах красных розочек. Чисто женский рисунок, мужчина никогда не выбрал бы ничего подобного. Собственно, все в этой ванной говорило о том, что ее хозяйка – женщина, начиная с клубничного шампуня, упаковки «Тампакса» под умывальником и заканчивая аптечным шкафчиком, набитым косметикой. Похоже, девушка была голубоглазой.

«Ты лезешь в окно, и волокна твоей темно-синей рубашки остаются на раме. Полиэфирная ткань. Твои кроссовки сорок первого размера оставляют следы на белом линолеуме пола. В них частички песка, смешанного с кристаллами гипса. Типичная смесь для тротуаров Бостона.

Возможно, ты замираешь, вслушиваясь в темноту. Вдыхая сладкий незнакомый запах женской обители. А может, ты не тратишь время попусту и направляешься сразу к цели. К спальне».

По мере того как Мур следовал маршрутом убийцы, воздух становился гуще, тяжелее. В нем уже угадывалось не ощущение смерти, а ее запах.

Детектив подошел к двери спальни. Теперь волосы на его шее стояли дыбом. Он уже знал, что увидит за дверью. Он думал, что готов к этому, и все же стоило ему включить свет, как ужас вновь охватил его, совсем как в тот раз, когда он впервые переступил порог этой комнаты.

Кровь уже запеклась. Из службы уборки помещений еще не приходили. Но даже самые сильные моющие средства и килограммы белой краски вряд ли смогут полностью стереть следы кошмара, сотворенного в этих стенах. Казалось, здесь сам воздух пропитан смертельным ужасом.

«Ты заходишь в эту комнату. Окна зашторены, но занавески сделаны из тонкого хлопка, и свет от уличных фонарей струится сквозь ткань прямо на постель, освещая спящую женщину. Конечно, ты должен растянуть этот момент, насладиться зрелищем. Посмаковать задачу, которая стоит перед тобой. Ведь тебе это так приятно, не правда ли? Ты возбуждаешься все больше и больше. Восторг разливается у тебя в крови, словно наркотик, пробуждая каждый нерв, так что вскоре даже кончики пальцев начинают пульсировать от предвкушения».

Елена Ортис даже крикнуть не успела. А может, она и кричала, только ее никто не слышал: ни семья за соседней дверью, ни супружеская пара, что живет этажом ниже.

Убийца принес с собой все необходимое. Клейкую ленту. Тряпку, пропитанную хлороформом. Набор хирургических инструментов. Он пришел полностью подготовленным.

Истязание длилось явно больше часа. По крайней мере, какую-то часть этого времени Елена Ортис находилась в сознании. Судя по тому, что кожа на ее запястьях и щиколотках была содрана, она сопротивлялась. Пока она билась в агонии, ее мочевой пузырь не выдержал, и моча пропитала матрас, смешавшись с кровью. Операция, которую задумал убийца, была чересчур деликатной, и он не спешил, делал все аккуратно, чтобы взять только то, что хотел, и ничего лишнего.

Он не насиловал ее. Возможно, он был попросту не способен на это.

Когда убийца закончил свою жуткую экзекуцию, женщина была еще жива. Рана в области таза продолжала кровоточить, сердце качало кровь. Как долго это длилось? Доктор Тирни

предположил, что не менее получаса. Тридцать минут, которые Елене Ортис, должно быть, показались вечностью.

«А что ты делал в это время? Собирал инструменты? Упаковывал свой приз в приготовленный сосуд? Или же просто стоял рядом, наслаждаясь зрелищем?»

Финальный акт был скорым и деловитым. Мучитель Елены Ортис взял то, что хотел, и теперь пришло время поставить точку. Он подошел к изголовью кровати. Левой рукой схватил свою жертву за волосы, запрокинув ей голову с такой силой, что вырвал прядь. Эти волосы потом обнаружили на подушке и на полу. О событиях последних минут кричали пятна крови. Жертва, полностью парализованная, лежала перед ним, подставив шею, которую он и рассек одним ударом лезвия, от уха до уха. Он перерезал левую сонную артерию и трахею. Хлынула кровь. На стене слева от кровати были густые потеки артериальной крови, перемешанные с кровавой слизью из трахеи. Простыни и подушка насквозь пропитались кровью. Несколько капель, сорвавшихся с лезвия, упали на подоконник.

Елена Ортис еще успела увидеть, как ее собственная кровь фонтаном бьет из шеи, пятная стену ярко-красными брызгами. Она успела вдохнуть кровь поврежденной трахеей, услышать, как она булькает в легких, а потом отхаркнуть алую мокроту в приступе удушающего кашля.

Она была жива достаточно долго, чтобы успеть осознать, что умирает.

«И когда все было кончено, когда прекратилась ее агония, ты оставил нам свою визитку. Ты аккуратно сложил ночную рубашку жертвы и оставил ее на комод. Зачем? Может, это какой-то извращенный знак уважения к женщине, которую ты только что изуродовал? Или ты просто захотел подразнить нас? Показать, что ты хозяин положения?»

Мур вернулся в гостиную и плюхнулся в кресло. В квартире было жарко и душно, но его била дрожь. Он не мог точно сказать, чем был вызван этот озноб – его физическим или моральным состоянием. Ломило ноги и плечи, и Мур предположил, что, возможно, в нем засел вирус. Летний грипп, самый тяжелый. Он вдруг подумал о тех местах, где предпочел бы сейчас находиться. Скажем, в Эдрифте на озере Мэн, где он сейчас забрасывал бы удочку. Или на морском побережье, окутанном туманом. Да где угодно, только не здесь, где пахнет смертью.

Зуммер пейджера заставил его вздрогнуть. Мур выключил аппарат и почувствовал, как сильно бьется сердце. Он велел себе успокоиться, потом достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

- Риццоли. – Она ответила сразу, ее фамилия прозвучала как выстрел.
- Вы звонили мне на пейджер.
- Вы почему-то не сообщили мне, что посылали запрос в ПАТП, – сказала она.
- Какой запрос?
- По Диане Стерлинг. Я сейчас просматриваю ее дело.

ПАТП – федеральная Программа анализа тяжких преступлений – представляла собой общенациональный банк данных, куда стекалась информация из полицейских управлений всех штатов. Убийцы зачастую повторяли свой собственный почерк преступления, и, используя данные ПАТП, следователи получали возможность по характерным деталям установить личность преступника. Собственно, запрос, инициированный Муром и его тогдашним партнером Расти Стиваком, был делом обычным.

– В Новой Англии похожие преступления не зарегистрированы, – сказал Мур. – Мы просмотрели все дела, в которых фигурировали расчленение, ночное вторжение, связывание клейкой лентой. Ничего общего с почерком убийцы Стерлинг.

– А как насчет серии в Джорджии? Три года назад, четыре жертвы. Одна в Атланте, три в Саванне. Все они есть в базе данных ПАТП.

- Я просмотрел те дела. Это не наш убийца.

– А что вы, Мур, скажете на это? Дора Чикконе, двадцать два года, выпускница Университета Эмори. Жертву сначала парализовали рогипнолом, потом привязали к кровати нейлоновым шнуром...

– Наш парень использует хлороформ и клейкую ленту.

– Но там убийца тоже распорол девушке живот. Вырезал матку. Смертельный удар исполнен так же – глубокая рана на шее. И наконец – обратите внимание – он сложил ее ночную сорочку и оставил на стуле возле кровати. Говорю вам, очень много совпадений.

– Дела в Джорджии закрыты, – сказал Мур. – Вот уже два года как. И тот преступник мертв.

– А что, если полиция Саванны проморгала настоящего убийцу? Что, если тот парень, которого осудили, не убивал?

– У них был анализ ДНК. Образцы волокон, волос. Плюс ко всему свидетель. Жертва, которая осталась жива.

– Ах да. Везунчик. Жертва номер пять. – В голосе Риццоли прозвучали язвительные нотки, что было довольно странно.

– Она опознала убийцу, – сказал Мур.

– И как нельзя более кстати уколошила его.

– Так что, вы хотите арестовать его призрак?

– А вы когда-нибудь беседовали с этой выжившей жертвой? – спросила Риццоли.

– Нет.

– Почему?

– А смысл?

– Смысл в том, что вы могли бы узнать что-нибудь интересное. Например, то, что она покинула Саванну вскоре после нападения. И знаете, где она сейчас проживает?

Даже сквозь треск в телефонной трубке Мур слышал гулкие удары собственного пульса.

– В Бостоне? – тихо спросил он.

– И вы не поверите, когда узнаете, кем она работает.

3

Доктор Кэтрин Корделл бежала по больничному коридору, и под подошвами ее кроссовок отчаянно скрипел линолеум. Толкнув распашные двери, она ворвалась в отделение скорой помощи.

– Они во второй травме, доктор Корделл! – крикнула медсестра.

– Иду, – отозвалась Кэтрин и, словно управляемый снаряд, полетела во вторую операционную.

Когда она вошла туда, с полдюжины человек устремили на нее взгляды, исполненные облегчения. Она мгновенно оценила ситуацию, увидев разложенные на лотке инструменты, штативы капельниц, на которых, словно тяжелые плоды, висели заготовленные емкости с лактатом Рингера, кровавые бинты и надорванные упаковки стерильного материала, разбросанные по полу. На экране монитора ритмично дергалась синусоида – электрическая модель сердца, пытавшегося убежать от смерти.

– Что у нас тут? – спросила она, когда персонал расступился, пропуская ее вперед.

Хирург-стажер Рон Литтман коротко изложил суть:

– Неизвестный мужчина, жертва наезда на дороге. Доставили к нам без сознания. Зрачки ровные, реагируют, легкие чистые, но живот напряжен. Кишечник молчит. Давление шестьдесят на ноль. Я сделал парацентез. В животе кровь. Мы подключили всю аппаратуру, вливаем лактат Рингера, поднять давление не удастся.

– Первая отрицательная в пути?

– Будет с минуты на минуту.

Мужчина лежал голый на операционном столе, и все интимные части тела были безжалостно выставлены на всеобщее обозрение. На вид ему было за шестьдесят. Он уже был опутан многочисленными трубками и подключен к аппарату искусственного дыхания. Вялые мышцы обвисали на костлявых конечностях, выпирающие ребра напоминали изогнутые лопасти.

«Хроник, – подумала Кэтрин, – скорее всего, рак».

Правые рука и бедро были ободраны и кровоточили после удара об асфальт. В нижней правой части грудной клетки расплзся огромный синяк – фиолетовое пятно на белом пергаменте кожи. Проникающих ран не было.

Вооружившись фонендоскопом, она принялась за осмотр пациента, проверяя показания врача-стажера. В животе действительно было тихо. Никаких звуков – ни урчания, ни клекота. Типичное молчание травмированного кишечника. Прижав мембрану фонендоскопа к груди пациента, она вслушалась в его дыхание, чтобы определить, правильно ли поставлены эндотрахеальная трубка и система вентиляции легких. Сердце стучало, словно кулак, по стенке грудины. Осмотр занял всего несколько секунд, но ей показалось, будто все происходит, как в замедленной съемке, а окружающие застыли во времени, ожидая ее следующего шага.

Раздался возглас медсестры:

– Верхнее упало до пятидесяти!

Время рвануло вперед с пугающей скоростью.

– Дайте мне халат и перчатки, – сказала Кэтрин. – И приготовьте все для лапаротомии.

– Может, отвезем его в реанимацию? – предложил Литтман.

– Все палаты заняты. Мы не можем ждать.

Кто-то подsunул ей бумажный колпак. Она быстро убрала под шапочку свои рыжие, до плеч, волосы и надела маску. Медсестра уже держала наготове стерильный хирургический халат. Кэтрин просунула руки в рукава и натянула перчатки. У нее не было времени на мытье, как не было времени и на колебания. Она отвечала за судьбу неизвестного и не могла подвести его.

На грудь и таз пациента накинули стерильные простыни. Кэтрин схватила с лотка кровоостанавливающий зажим и ловкими движениями зафиксировала края простыней – щелк, щелк.

– Где кровь? – крикнула она.

– Связываюсь с лабораторией, – откликнулась медсестра.

– Рон, ты первый ассистент, – бросила Кэтрин Литтману. Оглядевшись по сторонам, она заметила бледнолицего юношу, стоявшего возле двери. На его именной бирке значилось: «Джереми Барроуз, студент-медик». – Вы второй, – сказала она.

В глазах юноши промелькнула паника.

– Но... я всего лишь на втором курсе. Я здесь просто...

– Можно пригласить еще кого-нибудь из хирургов?

Литтман покачал головой:

– Все заняты. В первой операционной – черепно-мозговая травма, в приемном – помпашка.

– Ладно. – Кэтрин опять оглянулась на студента. – Барроуз, вы ассистируете. Сестра, дайте ему халат и перчатки.

– А что мне нужно делать? Я ведь в самом деле не знаю...

– Послушайте, вы хотите стать врачом? Тогда одевайтесь!

Барроуз залился краской и отвернулся, чтобы надеть халат. Мальчишка явно перепугался, но в любом случае Кэтрин предпочитала иметь дело с такими тихонями, как Барроуз, нежели с высокомерными выскочками. Она знала, как часто больные гибнут из-за чрезмерной самоуверенности врачей.

В селекторе прохрипел голос:

– Вторая травма? Говорит лаборатория. У меня готов гематокрит на неизвестного. Пятнадцать.

«Он истекает кровью», – подумала Кэтрин.

– Нам нужна первая отрицательная немедленно!

– Будет с минуты на минуту.

Кэтрин потянулась к скальпелю. Ощувив приятную тяжесть и гладкую стальную поверхность инструмента, она сразу успокоилась. Скальпель был словно продолжением ее руки, ее плоти. Она сделала короткий вдох, в нос ударил привычный запах спирта и талька. Прижав лезвие к коже, она сделала надрез.

Скальпель прочертил яркую кровавую линию на белой ткани кожи.

– Приготовьте отсос и прокладки, – сказала она. – Живот полон крови.

– Давление едва дотягивает до пятидесяти.

– Первая отрицательная и свежзамороженная плазма здесь! Подвешиваю.

– Кто-нибудь, следите за сердечным ритмом. Говорите мне, что с ним.

– Тахикардия усиливается. Уже сто пятьдесят.

Кэтрин уверенно вела скальпель сквозь слои передней брюшной стенки, не обращая внимания на выступающую кровь; она вообще не отвлекалась на такие мелочи; самое серьезное кровотечение было внутри брюшной полости, и его нужно было остановить. Скорее всего, причиной кровоизлияния была разорванная селезенка или печень.

Брюшина выпирала наружу под давлением скопившейся крови.

– Сейчас хлынет, – предупредила Кэтрин, замерев на мгновение.

Хотя она и была готова к возможным последствиям, первый же прокол брюшины вызвал такой мощный фонтан крови, что она слегка запаниковала. Кровь хлынула на простыни, потоком полилась на пол. Халат тоже пропитался кровью, Кэтрин словно окунулась в теплую ванну. А кровь все лилась и лилась.

Она вставила ретракторы, расширяя полость раны. Литтман ввел отсасывающий катетер. Кровь устремилась по трубке в стеклянный резервуар.

– Сушить! – прокричала Кэтрин сквозь шум работающего отсоса.

Она затолкала в рану с полдюжину прокладок, которые на глазах окрасились в красный цвет. В считанные секунды прокладки насквозь пропитались кровью. Она вытащила их и вставила новые.

– На мониторе аритмия! – воскликнула медсестра.

– Вот дерьмо! Я уже откачал два литра, – сказал Литтман.

Кэтрин подняла взгляд и увидела, что емкости с кровью и плазмой стремительно опорожняются. Кровь словно вливали в сито. Пробегая по венам, она вытекала из раны, и люди явно не успевали за ней. Никак не удавалось зажать сосуды, утопавшие в море крови, а работать вслепую Кэтрин не могла.

Она вытащила прокладки, тяжелые от крови, вставила новые. Нескольких драгоценных секунд ей хватило, чтобы разглядеть источник кровотечения. Кровь хлестала из печени, но место ранения не просматривалось. Казалось, кровоточила вся поверхность этого органа.

– Давление падает! – снова выкрикнула медсестра.

– Зажим! – скомандовала Кэтрин, и инструмент мгновенно оказался в ее руке. – Попробую прием Прингла. Барроуз, еще сушить!

Перепуганный студент потянулся к лотку и опрокинул его. Он в ужасе смотрел, как прокладки падают на пол.

Медсестра вскрыла новую упаковку.

– Они идут в рану, а не на пол! – рявкнула она.

Медсестра и Кэтрин обменялись многозначительными взглядами, одновременно подумав об одном и том же: «И он хочет быть врачом?»

– Куда их класть? – спросил Барроуз.

– Очистите мне полость. Я же ничего не вижу в этой кровище!

Кэтрин дала ему несколько секунд, чтобы он промокнул рану, после чего ей удалось рассечь малый сальник. Перекрыв кровь слева с помощью зажима, она смогла определить, где находится печеночная ножка, через которую проходили печеночная артерия и воротная вена. Это было не более чем временное решение, но, если бы удалось задержать здесь кровь, можно было бы контролировать кровотечение, и тогда они получили бы бесценный выигрыш во времени, чтобы стабилизировать давление, подкачать еще крови и плазмы в кровеносную систему пациента.

Кэтрин крепко стиснула зажим, перекрывая сосуды в ножке.

К ее величайшему разочарованию, кровь продолжала сочиться как ни в чем не бывало.

– Ты уверена, что перекрыла ножку? – спросил Литтман.

– Я знаю, что перекрыла ее. И знаю, что это не забрюшинное кровотечение.

– Может, воротная вена?

Она схватила с лотка две прокладки. Следующий маневр был ее последним шансом. Положив прокладки на поверхность печени, она сжала орган обеими руками.

– Что она делает? – спросил Барроуз.

– Печеночную компрессию, – ответил Литтман. – Иногда это позволяет перекрыть скрытые разрывы. Предотвратить полную кровопотерю.

Мускулы Кэтрин налились свинцом, пока она отчаянно пыталась удержать давление, повернуть поток вспять.

– Нет, все равно идет, – сказал Литтман. – Не годится.

Кэтрин уткнулась в полость раны, где происходило устойчивое накопление крови. «Откуда же она берется, черт возьми?» – подумала она. И вдруг заметила, что кровь равно-

мерно сочится буквально отовсюду. Не только из печени, но также из брюшной стенки, из брыжейки, из всех иссеченных слоев кожи.

Она взглянула на левую руку пациента, которая выскользнула из-под стерильной простыни. Марлевая повязка, наложенная в месте введения внутривенной иглы, намокла от крови.

– Мне нужны тромбоцитарная масса и свежезамороженная плазма. Немедленно! – потребовала она. – И начинайте лить гепарин. Десять тысяч единиц внутривенно сразу и дальше по тысяче в час.

– Гепарин? – изумленно переспросил Барроуз. – Но он же истекает кровью...

– У него коагулопатия потребления, – сказала Кэтрин. – Необходима антикоагуляция.

Литтман тоже смотрел на нее в недоумении.

– Но у нас еще нет лабораторных анализов. Откуда мы можем знать, что у него коагулопатия?

– К тому времени, как мы получим данные, будет уже поздно. Нам необходимо действовать сейчас же! – Кэтрин кивнула медсестре. – Начинайте.

Медсестра ввела иглу в вену. Гепарин был их последней надеждой. Если диагноз Кэтрин был верным, если у пациента действительно был ДВС-синдром, это значило, что в его крови происходил массовый выброс тромбинов, пожиравших все полезные коагуляционные факторы и тромбоциты. Серьезная травма, хроническое онкологическое заболевание или даже инфекция могли спровоцировать такой неконтролируемый шквал тромбинов. Поскольку при этом уничтожались коагуляционные факторы и тромбоциты, необходимые для свертывания крови, у больного начиналось обильное кровотечение. Чтобы остановить этот процесс, приходилось применять гепарин, антикоагулянт. В высшей степени парадоксальный вариант лечения, и в нем был немалый риск. Если Кэтрин ошиблась в диагнозе, гепарин лишь усилит кровотечение.

«Усилит... Куда уж сильнее!»

У Кэтрин уже ныла спина, руки дрожали от перенапряжения. Капля пота скатилась по щеке и впилась в марлевую маску.

По селектору вновь прозвучал голос из лаборатории:

– Вторая травма, у меня результаты анализа по неизвестному.

– Говорите, – сказала медсестра.

– Число тромбоцитов упало до тысячи. Протромбиновое время – тридцать, присутствуют продукты распада фибринов. Похоже, у вашего пациента убийственная форма коагулопатии потребления.

Кэтрин поймала на себе изумленный взгляд Барроуза.

«На студентов-медиков так легко произвести впечатление».

– Желудочковая тахикардия! Нарастает!

Кэтрин метнула взгляд на монитор. Пилообразная линия с хищными зубцами протянулась через экран.

– Давление?

– Нет. Я его потеряла.

– Начинай непрямой массаж сердца. Литтман, ты отвечаешь за весь ход реанимации.

Хаос нарастал, словно ураган, затягивая всех в свою губительную воронку. В операционную ворвался курьер, доставивший свежезамороженную плазму и тромбоцитарную массу. Кэтрин слышала, как Литтман отдает распоряжения насчет кардиологических препаратов, видела, как медсестра, положив руки на грудную клетку, делает непрямой массаж – со стороны она походила на клюющую заводную птицу. Все их усилия были направлены на то, чтобы обеспечить приток крови к мозгу, не дать ему умереть. Но этими же действиями они провоцировали усиление кровотечения.

Кэтрин заглянула в брюшную полость пациента. Она все еще продолжала компрессию печени, пытаясь сдержать прилив крови. Может, ей это только показалось, или на самом деле кровь, которая до этого лилась рекой, слегка замедлила свой бег?

– Электрошок, – сказал Литтман. – Сто джоулей...

– Нет, подожди. Пульс возвращается!

Кэтрин взглянула на монитор. Синусовая тахикардия! Сердце заработало, но это означало, что оно опять качает кровь в артерии.

– Что у нас с давлением? – крикнула она.

– Давление... девяносто на сорок. Есть!

– Ритм стабильный. Синусовая тахикардия держится.

Кэтрин уставилась на открытую брюшную полость. Кровотечение практически остановилось. Она все еще держала печень в руках, прислушиваясь к устойчивому сигналу монитора. Для нее он был волшебной музыкой.

– Ребята, – произнесла она, – кажется, мы его вытащили.

Кэтрин сбросила залитый кровью халат и перчатки и последовала за каталкой, на которой неизвестного вывозили из второй операционной. Плечи ее ныли, но это была приятная усталость. Усталость победителя. Медсестры завезли каталку в лифт, чтобы поднять пациента в отделение реанимации хирургии. Кэтрин уже заходила в кабину следом за ними, когда услышала, что ее кто-то окликнул.

Она обернулась и увидела мужчину и женщину, которые шли ей навстречу. Женщина была маленького роста и свирепого вида, жгучая брюнетка с глазами-угольками и прямым, словно луч лазера, взглядом. Она была в строгом синем костюме, отчего выглядела совсем по-военному. Рядом с сопровождавшим ее высоким мужчиной женщина казалась просто карликом. Ее спутнику было явно за сорок: в темных волосах пробивались серебристые пряди. Мужественность и зрелость прочертили мягкие борозды на его все еще красивом лице. Именно его глаза, серые и непроницаемые, остановили взгляд Кэтрин.

– Доктор Корделл? – спросил он.

– Да.

– Я детектив Томас Мур. А это детектив Риццоли. Мы из отдела по расследованию убийств.

Он протянул свое удостоверение, которое, впрочем, могло оказаться и грошовым куском пластика. Кэтрин даже не взглянула на удостоверение, сосредоточившись исключительно на его обладателе.

– Мы можем поговорить с вами наедине? – спросил он.

Она оглянулась на медсестер, которые ждали ее в лифте возле каталки.

– Езжайте, – крикнула она им. – Доктор Литтман сделает все назначения.

Только после того, как двери лифта закрылись, она обратилась к детективу Муру:

– Вы по поводу наезда на пешехода? Думаю, он выживет.

– Нет, мы не по поводу вашего пациента.

– Вы ведь сказали, что вы из отдела убийств?

– Да. – Его тихий голос вызвал у Кэтрин тревогу. Это было нечто вроде мягкого предупреждения подготовиться к самому худшему.

– Вы насчет... О боже, надеюсь, ничего плохого с кем-либо из моих знакомых?

– Речь пойдет об Эндрю Капре. И о том, что произошло с вами в Саванне.

На какое-то мгновение Кэтрин лишилась дара речи. Ноги вдруг стали ватными. Она попятилась к стене, чтобы не упасть.

– Доктор Корделл! – Детектив Мур искренне забеспокоился. – С вами все в порядке?

– Я думаю... думаю, нам лучше поговорить в моем кабинете, – прошептала она. И, резко развернувшись, направилась к выходу из операционного отделения. Она шла не оглядываясь, не проверяя, идут ли за ней детективы; просто шла, стремясь поскорее добраться до спасительной тиши своего кабинета, который находился в смежном здании клиники. Уже оказавшись в лабиринте медицинского центра «Пилгрим», она расслышала их шаги за спиной.

«Что произошло с вами в Саванне?»

Ей совсем не хотелось об этом говорить. Она надеялась, что больше никогда и ни с кем не будет говорить об этом. Но к ней пришли офицеры из полиции, и игнорировать их вопросы было невозможно.

Наконец они дошли до офиса, на двери которого висела табличка:

ПИТЕР ФАЛКО, доктор медицины

КЭТРИН КОРДЕЛЛ, доктор медицины

ОБЩАЯ И СОСУДИСТАЯ ХИРУРГИЯ

Она вошла в приемную. Секретарь приветствовала ее дежурной улыбкой, которая тут же застыла на губах, стоило ей увидеть землистое лицо Кэтрин и маячивших у нее за спиной незнакомцев.

– Доктор Корделл! Что-то случилось?

– Мы будем в моем кабинете, Хелен. Пожалуйста, не соединяй меня ни с кем.

– Ваш первый пациент будет в десять. Господин Цзянь, после операции по удалению селезенки...

– Отмени.

– Но он едет из Ньюбери. И уже наверняка в пути.

– Хорошо, тогда пусть подождет. Только, пожалуйста, не соединяй меня ни с кем.

Не обращая внимания на ошеломленную Хелен, Кэтрин прошла в свой кабинет, Мур с Риццоли – следом за ней. Она сразу же потянулась за белым халатом. Но его почему-то не оказалось на крючке возле двери, где она всегда его оставляла. Досадная мелочь добавила ей раздражения. Кэтрин огляделась по сторонам в поисках халата, как будто сейчас от него зависела вся ее жизнь. Халат нашелся на дверце шкафа с картотекой, и она испытала странное облегчение, когда надела его и села за рабочий стол. Здесь Кэтрин чувствовала себя в безопасности. Ей было спокойно, она полностью владела собой.

В кабинете царил идеальный порядок, – собственно, такой порядок был свойствен ей во всем. Она терпеть не могла неряшливости. Ее папки лежали двумя аккуратными стопками на столе. Книги на полках были расставлены строго по авторам в алфавитном порядке. Компьютер мягко урчал, на мониторе плавали четкие геометрические формы. Кэтрин запахнула халат, чтобы скрыть запачканный кровью топ. Рабочая одежда служила ей дополнительной защитой, еще одним барьером, ограждавшим ее от опасных реалий жизни.

Из-за стола она наблюдала, как Мур и Риццоли оглядывают кабинет, явно оценивая личность его обитателя. Возможно, у них это была чисто профессиональная привычка – проводить короткий визуальный осмотр, прежде чем приступить к разговору. Кэтрин почему-то почувствовала себя уязвимой и незащищенной.

– Я понимаю, что вам очень нелегко возвращаться к этой теме, – сказал Мур, присаживаясь напротив.

– Вы даже не представляете, насколько нелегко. Прошло уже два года. Чем вызван повторный интерес к тем событиям?

– Это связано с двумя нераскрытыми убийствами, которые произошли здесь, в Бостоне.

Кэтрин нахмурилась:

– Но на меня напали в Саванне.

– Да, мы знаем. Существует национальный банк данных по тяжким преступлениям – ПАТП. Так вот, когда мы обратились туда, чтобы отыскать нечто похожее на наши убийства, всплыло имя Эндрю Капры.

Какое-то мгновение Кэтрин молчала, переваривая информацию и набираясь храбрости, чтобы задать следующий вопрос, представлявшийся ей логичным. Ей удалось придать голосу на редкость спокойный тон.

– О каком сходстве идет речь?

– Способ нападения на женщин. Манера подавления их сопротивления. Тип орудия убийства. Характер... – Мур запнулся, пытаясь выразить следующую мысль как можно более деликатно. – Характер расчленения, – тихо закончил он фразу.

Кэтрин обеими руками схватилась за край стола, борясь с внезапным приступом тошноты. Взгляд ее упал на аккуратные стопки папок. Краем глаза она заметила полоску синих чернил на рукаве своего халата.

«Как бы ты ни пыталась поддерживать порядок в своей жизни, как бы ни остерегалась ошибок, несовершенства, всегда отыщется какое-то пятнышко, какой-то дефект, ускользнувший от твоего внимания. И застигнет тебя врасплох».

– Расскажите мне о них, – попросила она. – Об этих двух женщинах.

– Мы не вправе разглашать тайну следствия.

– Ну а все-таки?

– Разве только то, что было напечатано в воскресной «Глоб».

Кэтрин понадобилось не так много времени, чтобы осмыслить все, что он рассказал. Она едва могла поверить в услышанное.

– Эти бостонские убийства... они случились недавно?

– Последнее – в прошлую пятницу.

– Тогда это никак не связано с Эндрю Капрой! И со мной тоже.

– Но есть очень похожие детали.

– Значит, это простое совпадение. Иначе и быть не может. Я думала, вы говорите о старых преступлениях, которые Капра совершил несколько лет тому назад. Но никак не на прошлой неделе. – Она резко отодвинулась от стола. – Не знаю, чем я могу вам помочь.

– Доктор Корделл, наш убийца знает детали, которые никогда не сообщались в средствах массовой информации. Он владеет техникой Капры, о которой известно только следователям из Саванны.

– Тогда, возможно, вам имеет смысл обратиться к этим людям. Тем, которые все знают.

– Вы – одна из них, доктор Корделл.

– Позволю себе напомнить вам, что я была жертвой.

– Вы ни с кем не обсуждали подробности нападения?

– Только со следователями из Саванны.

– Вы не откровенничали с подругами?

– Нет.

– С родными и близкими?

– Нет.

– Есть же у вас кто-то, кому вы доверяете?

– Я никогда и ни с кем это не обсуждала.

Мур устремил на нее недоверчивый взгляд.

– Никогда?

Она отвернулась и прошептала:

– Никогда.

Последовало долгое молчание. После чего Мур мягко спросил:

– Вы когда-нибудь слышали имя Елена Ортис?

– Нет.

– Диана Стерлинг?

– Нет. Это те женщины...

– Да. Это жертвы.

Кэтрин с трудом проглотила слюну.

– Мне незнакомы названные вами имена.

– Вы ничего не знали об этих убийствах?

– Я взяла себе за правило не читать о трагедиях. Для меня это слишком... – Кэтрин устало вздохнула. – Вы должны понять, я вижу слишком много ужасного, оперируя каждый день. Когда я прихожу домой, мне хочется покоя. Я хочу чувствовать себя в полной безопасности. Все, что творится в мире, все эти жестокости и насилие... я не желаю об этом знать.

Мур полез в карман пиджака, достал две фотографии и выложил их перед ней на стол.

– Вы узнаете кого-нибудь из этих женщин?

Кэтрин уставилась на лица. С фотографии, что лежала слева, на нее смотрела улыбающаяся темноглазая женщина, ее волосы развевались на ветру. Вторая была натуральной блондинкой с мечтательным и отстраненным взглядом.

– Темноволосая – это Елена Ортис, – пояснил Мур. – Вторая – Диана Стерлинг. Диана была убита год назад. Эти лица кажутся вам знакомыми?

Кэтрин покачала головой.

– Диана Стерлинг жила в Бэк-Бее, всего в полумиле от вашего дома. Квартира Елены Ортис находится в двух кварталах к югу от этой больницы. Вы вполне могли когда-нибудь видеть этих женщин. Вы абсолютно уверены в том, что не узнаете ни одну из них?

– Я не видела их раньше.

Кэтрин отдала фотографии Муру и вдруг заметила, что ее рука дрожит. Разумеется, это не ускользнуло и от его внимания, когда их пальцы соприкоснулись. Она подумала, что Мур вообще многое заметил, на то он и полицейский. Кэтрин так увлеклась своими переживаниями, что совсем упустила из виду этого мужчину. Он был спокойным и вежливым, и она не чувствовала угрозы с его стороны. Только сейчас она поняла, что все это время он пристально изучал ее, пытаясь разглядеть настоящую Кэтрин Корделл. Не серьезного хирурга-травматолога, не холодную рыжеволосую красавицу, а просто женщину.

Теперь заговорила детектив Риццоли. В отличие от Мура она не пыталась смягчить свои вопросы. Ее интересовали только факты, и она не собиралась тратить время на сантименты.

– Когда вы переехали сюда, доктор Корделл?

– Я покинула Саванну через месяц после случившегося, – ответила Кэтрин в такой же деловой манере.

– Почему вы выбрали Бостон?

– А почему бы и нет?

– Это довольно далеко от Юга.

– Моя мать выросла в Массачусетсе. Каждое лето она привозила нас в Новую Англию. Для меня это было... словом, я как будто вернулась домой.

– Итак, вы живете здесь вот уже более двух лет.

– Да.

– И чем занимаетесь?

Кэтрин нахмурилась, сбита с толку этим вопросом.

– Работаю здесь, в «Пилгрим», с доктором Фалко. В хирургическом отделении.

– Выходит, «Глоб» дала неверную информацию.

– Простите?

– Несколько недель назад я читала статью про вас. Про женщин-хирургов. Там, кстати, была ваша великолепная фотография. Так вот, в статье говорилось, что вы работаете в «Пил-grim» всего год.

Кэтрин выдержала паузу, потом спокойно произнесла:

– Все правильно. После Саванны мне потребовалось какое-то время, чтобы... – Она откашлялась. – Я начала работать с доктором Фалко только в июле прошлого года.

– А что вы можете рассказать о первом годе вашей жизни в Бостоне?

– Я не работала.

– Чем занимались?

– Ничем.

Она смогла выжать из себя только такой ответ – унылый и бестолковый. Не могла же она выплескивать им унижительную правду о том, каким был тот первый год. Дни, переходящие в недели, когда она боялась высунуть нос из своей квартиры. Ночи, когда малейший шорох повергал ее в панику. Медленное и болезненное возвращение в мир, когда простая поездка в лифте или ночное возвращение на машине требовали предельного мужества. Она стыдилась своей трусости, незащищенности, ей до сих пор было стыдно, но гордость не позволяла показать это.

Она посмотрела на часы:

– У меня пациенты. Мне действительно больше нечего добавить.

– Позвольте мне уточнить кое-какие факты. – Риццоли открыла маленький блокнот. – Чуть более двух лет назад, ночью пятнадцатого июня, в вашей квартире на вас было совершено нападение доктором Эндрю Капрой. Этот человек был вам знаком. Он работал врачом-стажером в вашей больнице. – Риццоли взглянула на Кэтрин.

– Вы все знаете не хуже меня.

– Он одурманил вас каким-то лекарством, раздел. Привязал к кровати. Издевался над вами.

– Я не понимаю, зачем вы...

– Он изнасиловал вас.

Слова, хотя и произнесенные тихо, хлестнули, словно пощечина.

Кэтрин молчала.

– И это еще не все из того, что он намеревался сделать, – продолжала Риццоли.

«Господи, сделай так, чтобы она замолчала!»

– Он собирался изуродовать вас самым жестоким способом. Так же, как он изуродовал четырех других женщин в Джорджии. Он вспорол им животы. Уничтожил тот орган, который делает женщину женщиной.

– Достаточно, – произнес Мур.

Но Риццоли не унималась:

– Это могло произойти и с вами, доктор Корделл.

Кэтрин покачала головой:

– Зачем вы мне это говорите?

– Доктор Корделл, мое самое большое желание – поймать убийцу, и я думала, что вы захотите помочь нам. Вам же не хочется, чтобы это повторилось с другими женщинами?

– Но я здесь совершенно ни при чем! Эндрю Капра мертв! Вот уже два года как мертв.

– Да, я читала протокол вскрытия.

– Я могу гарантировать, что он мертв, – выпалила Кэтрин. – Потому что я убила этого сукина сына своими собственными руками.

4

Мур и Риццоли изнывали в машине под струей теплого воздуха, вырывающейся из кондиционера. Вот уже десять минут они томились в пробке, но в автомобиле пока не становилось прохладнее.

– Налогоплательщики получают то, за что платят, – заметила Риццоли. – Эта машина – сущий хлам.

Мур выключил кондиционер и открыл окно. В салон ворвались запахи раскаленного асфальта и выхлопных газов. Мур и без того задышался. Ему было странно, как это Риццоли выдерживает в пиджаке. Мур снял свой сразу же, как только они вышли из дверей медицинского центра «Пилгрим». Он знал, что ей наверняка жарко, поскольку видел капельки пота, поблескивавшие над ее верхней губой – губой, которой, похоже, никогда не касалась губная помада. Риццоли не была дурнушкой, но, в отличие от других женщин, равнодушных к макияжу и побрякушкам, казалось, старательно маскировала собственную привлекательность. Она носила мрачные костюмы, которые совершенно не подходили к ее хрупкой фигурке, а вместо прически на голове была бесформенная копна черных кудряшек. Риццоли была такой, какая есть, и окружающим предлагалось либо принимать ее в этом виде, либо убираться ко всем чертям. Мур понимал, в чем причина такой строгости к себе, – возможно, это помогало ей выжить как женщине-полицейскому. Риццоли по мере сил боролась за свое место под солнцем, пытаясь выстоять в жестокой конкуренции с мужчинами.

Точно так же, как Кэтрин Корделл. Но доктор Корделл выбрала иную стратегию: она держала дистанцию. Во время разговора с ней у Мура возникало ощущение, будто он смотрит на нее сквозь матовое стекло – настолько отстраненной и расплывчатой она казалась.

Именно эта отстраненность и раздражала Риццоли.

– С ней что-то не так, – заметила она. – Чего-то не хватает в плане эмоций.

– В конце концов, она же хирург-травматолог. Ей по роду деятельности положено быть хладнокровной, – возразил Мур.

– Есть хладнокровие, а есть лед. Два года тому назад ее связали, изнасиловали, чуть не изуродовали. А она так спокойно говорит об этом. Мне это кажется странным.

Мур остановился на красный сигнал светофора и уставился на запруженный перекресток. Пот струйками стекал у него по спине. Он плохо соображал в жару, становился размякшим и тупым. Он уже мечтал о том, чтобы лето поскорее кончилось и пришла зима с ее белоснежной чистотой...

– Эй, – окликнула его Риццоли. – Вы меня слушаете?

– Она очень выдержанная, – произнес он наконец.

«Но совсем не ледяная», – подумал тут же Мур, вспомнив, как дрожала рука Кэтрин, когда она передавала ему фотографии женщин.

Уже сидя за рабочим столом, он, потягивая теплую колу, стал перечитывать статью, напечатанную несколько недель тому назад в «Бостон глоб»: «Женщины, владеющие ножом». Речь шла о трех женщинах-хирургах из Бостона – их триумфах и поражениях, проблемах, с которыми они сталкиваются в своей профессиональной среде. Фотография Корделл была самой удачной. И дело было не только в ее внешней привлекательности; поражал ее взгляд – такой прямой и гордый, словно Кэтрин бросала вызов фотокамере. Ее портрет, как и статья, убеждал в том, что эта женщина полностью управляет своей жизнью.

Мур отложил статью в сторону и задумался о том, каким обманчивым может быть первое впечатление. Как легко замаскировать боль улыбкой, упрямо вздернутым подбородком...

Он открыл другую папку. Глубоко вздохнув, принялся перечитывать отчет следователей из Саванны по делу Эндрю Капры.

Свое первое убийство, из числа известных полиции, он совершил, будучи студентом медицинского факультета Университета Эмори в Атланте. Жертвой стала Дора Чикконе, двадцатидвухлетняя аспирантка того же университета, которая была найдена привязанной к кровати в ее комнате на съемной квартире. При вскрытии в ее теле были обнаружены следы сильнодействующего лекарства рогипнола. Осмотр квартиры не подтвердил факта насильственного вторжения.

Жертва сама пригласила убийцу к себе домой.

Одурманенную наркотиком Дору Чикконе привязали к кровати нейлоновым шнуром, ее крики заглушала клейкая лента на губах. Сначала убийца изнасиловал ее. Потом взялся за скальпель.

Она была жива во время операции.

Закончив экзекуцию, убийца вырезал матку, которую прихватил с собой в качестве сувенира, и нанес смертельный удар: одним взмахом лезвия глубоко рассек шею слева направо. Хотя полиции удалось взять на анализ ДНК из спермы убийцы, никаких других ниточек к нему не было. Расследование осложнялось тем, что Дора слыла девушкой раскованной, завсегдатаем местных баров и частенько приводила домой мужчин из числа первых встречных.

В ту роковую ночь таким мужчиной оказался студент-медик по имени Эндрю Капра. Но это имя привлекло внимание полиции только после того, как три другие женщины были зверски убиты в Саванне, за двести миль от Атланты.

Наконец душей июньской ночью убийства прекратились.

Кэтрин Корделл, старший хирург больницы «Риверленд» в Саванне, была разбужена ночью стуком в дверь. Открыв, она увидела на пороге своего дома Эндрю Капру, молодого хирурга-стажера, работавшего под ее руководством. В тот день в больнице она указала Капре на ошибку, которую тот допустил, и теперь он пришел признать свою вину и покаяться. Вежливо попросил разрешения войти и поговорить о волнующем его деле.

За пивом они долго обсуждали работу Капры как начинающего хирурга. Говорили о допущенных ошибках, о пациентах, которые пострадали из-за его беспечности. Кэтрин не скрывала правды и говорила стажеру в глаза все, что думала: Капра явно не справлялся с работой хирурга, и ему не светило приглашение остаться в клинике. В какой-то момент Кэтрин отлучилась из комнаты в туалет, после чего вернулась, чтобы продолжить разговор и допить свое пиво.

Когда она пришла в сознание, то обнаружила, что лежит совершенно голая, привязанная к кровати нейлоновым шнуром.

Полицейский отчет во всех ужасающих подробностях описывал последовавший за этим кошмар.

С фотографий, сделанных в больнице, куда доставили Кэтрин, смотрела женщина с затравленным взглядом, с огромной гематомой на щеке. Одним словом, жертва.

Волевая и собранная дама, которую он увидел сегодня, производила прямо противоположное впечатление.

Сейчас, перечитывая показания Корделл, Мур словно слышал ее голос. Слова больше не принадлежали анонимной жертве, их произносила женщина, чье лицо было ему знакомо.

«Я не знаю, как мне удалось высвободить одну руку. Судя по тому, как ободрано запястье, я, должно быть, вытащила ее из-под шнура. Простите, но я не слишком хорошо помню подробности. Помню только, что мне нужно было дотянуться до скальпеля. Я знала, что его нужно достать из лотка. Перерезать шнур, прежде чем Эндрю вернется...

Помню, я скатилась к краю кровати. Упала на пол, больно ударилась головой. Потом пыталась найти пистолет. Это отцовский пистолет. После того как в Саванне была убита третья женщина, он настоял на том, чтобы я держала его у себя дома.

Я помню, как полезла под кровать. Схватила пистолет. И тут же расслышала шаги: Эндрю возвращался в комнату. Потом... не знаю... Должно быть, в этот момент я выстрелила. Да, наверное, так и было. Мне сказали, что я стреляла дважды. Вполне возможно, так оно и было».

Мур прервал чтение, задумавшись над показаниями Корделл. Баллистическая экспертиза подтвердила, что обе пули были выпущены из оружия, зарегистрированного на имя отца Кэтрин, которое было найдено возле кровати. Анализ, сделанный в больнице, показал присутствие в ее крови рогипнола – препарата, вызывающего амнезию, – так что провалы в памяти были вполне естественны. Когда Корделл доставили в отделение скорой помощи, врачи описывали ее состояние как невменяемое, что могло быть следствием как наркотического воздействия, так и контузии от сильного удара. Действительно, только сильный удар по голове мог так изуродовать лицо. Сама Кэтрин не помнила, как и когда она получила тот удар.

Мур принялся рассматривать фотографии с места происшествия. На полу спальни лежал на спине мертвый Эндрю Капра. Выстрелов было два – в живот и в глаз, – и оба с близкого расстояния.

Он долго изучал снимки, отмечая положение тела Капры, разброс кровавых брызг.

Потом перешел к протоколу вскрытия. Перечитал его дважды.

Еще раз посмотрел на фотографию места происшествия.

«Что-то здесь не так, – подумал он. – В показаниях Корделл какая-то ерунда».

На его стол внезапно лег лист протокола. Мур поднял взгляд и с удивлением увидел перед собой Риццоли.

– Читали этот бред? – спросила она.

– Что это?

– Протокол по результатам анализа волоса, изъятых с края раны у Елены Ортис.

Мур пробежал глазами бумагу и, остановившись на заключении, произнес:

– Понятия не имею, что это значит.

В 1997 году многочисленные подразделения бостонской полиции были собраны под одной крышей – в только что отстроенном комплексе «Шредер-плаза» в квартале Роксбери, который прежде имел дурную славу. Полицейские называли свою новую штаб-квартиру не иначе как «мраморным дворцом» – уж очень впечатлял огромный вестибюль, отделанный полированным гранитом. И шутили: «Дайте нам несколько лет, чтобы захлать его как следует, тогда он станет для нас домом». «Шредер-плаза» не имел ничего общего с обшарпанными полицейскими участками, которые обычно показывали в сериалах. Это было суперсовременное здание с огромными окнами и стеклянной крышей. Помещение, в котором разместился отдел по расследованию убийств, с его коврами и компьютерным оснащением, вполне могло сойти за офис крупной корпорации. Что особенно нравилось сотрудникам в «Шредер-плаза» – теперь все службы находились по соседству.

Детективам из отдела убийств достаточно было пройти по коридору в южное крыло здания, чтобы оказаться в криминалистической лаборатории.

В отделе по исследованию волос и волокон Мур и Риццоли наблюдали за тем, как судебно-медицинский эксперт Эрин Волчко просматривает свою коллекцию конвертов с образцами вещественных доказательств.

– Этот единственный волос – все, что у меня было для исследования, – говорила Эрин. – Но вы не поверите, сколько может рассказать один волосок. Вот, нашла. – Она достала конверт с номером дела Елены Ортис и извлекла из него диапозитив. – Я вам просто покажу, как это выглядит под микроскопом. Балльная оценка приведена в отчете.

– Эти цифры и есть балльная оценка? – спросила Риццоли, разглядывая столбцы кодов.

– Совершенно верно. Каждый код описывает различные характеристики волоса, начиная от цвета и завитка и заканчивая микроскопическими особенностями. Образцу, который я исследовала, присвоен код A01 – темный блондин. Завиток – B01. Волос изогнутый, диаметр завитка – менее восьмидесяти. Почти, но не совсем прямой. Длина стержня – четыре сантиметра. К сожалению, этот волос находится в фазе телогена, поэтому на нем нет примыкающей ткани эпителия.

– А это значит, что нет ДНК.

– Правильно. Телоген – это конечная стадия роста корня. Волос выпал естественным путем, его не выдергивали. Если бы на корне были клетки эпителия, мы могли бы сделать анализ ДНК. Но на нашем образце таких клеток не обнаружено.

Риццоли и Мур разочарованно переглянулись.

– Но кое-что мы все-таки имеем, – сказала Эрин. – Это, конечно, не ДНК, но в суде можно использовать в качестве доказательной базы. Очень жаль, что у нас нет волос с трупа Стерлинг для сравнения. – Она настроила окуляр микроскопа. – Посмотрите.

Микроскоп имел два окуляра, так что Риццоли и Мур могли одновременно рассматривать образец. Мур видел перед собой лишь волос, покрытый крохотными узелками.

– А что это за шишечки? – спросила Риццоли. – По-моему, какая-то аномалия.

– Это не только аномалия, но еще и большая редкость, – сказала Эрин. – Это состояние называется *trichorrhexis invaginata*, трихоклазия узловатая, или «бамбуковый волос». Он и в самом деле напоминает стебель бамбука, не так ли?

– А что это за узелки? – спросил Мур.

– Локальные дефекты волоса, участки утолщения в зонах расщепления. Слабые места, в которых стержень волоса как бы сворачивается, образуя микроскопические шарики или узелки.

– И чем может быть вызвано такое состояние волос?

– Иногда оно развивается вследствие чрезмерного воздействия на волосы. Окрашивание, перманент, обесцвечивание и тому подобное. Но поскольку мы, скорее всего, имеем дело с мужчиной, и к тому же я не обнаружила следов химического воздействия, то можно сделать вывод, что эта аномалия вызвана не внешними факторами, а генетическими отклонениями.

– Например?

– Ну, скажем, синдромом Незертонна. Это аутосомно-рецессивное состояние, влияющее на выработку кератина. Кератин – жесткий волокнистый белок, присутствующий в волосах и ногтях. Кроме того, это внешний слой нашей кожи.

– Значит, если существует генетический сбой и кератин не вырабатывается, происходит ослабление волос?

Эрин кивнула:

– Но это затрагивает не только волосы. У людей, страдающих синдромом Незертонна, могут быть и кожные заболевания. Сыпь, шелушение кожи.

– Можно сказать, что у нашего неизвестного перхоть? – спросила Риццоли.

– Возможны и более очевидные признаки. У некоторых пациентов наблюдается такая тяжелая форма заболевания, как ихтиоз. Кожа становится настолько сухой, что начинает напоминать кожу аллигатора.

Риццоли рассмеялась:

– Выходит, мы ищем человека-рептилию! Это значительно сужает круг поисков.

– Совсем не обязательно. Сейчас лето.

– И что?

– Жара и влажность улучшают состояние сухой кожи. В это время года он может выглядеть совершенно нормально.

Риццоли и Мур переглянулись, одновременно подумав об одном и том же.

«Обе жертвы были убиты летом».

– Пока стоит жара, – продолжала Эрин, – он, скорее всего, не выделяется среди окружающих.

– Но сейчас только июль, – заметила Риццولي.

Мур кивнул:

– Сезон охоты только начинается.

Неизвестный наконец обрел имя. Медсестры из отделения реанимации нашли его именную бирку, прикрепленную к связке ключей от дома. Звали его Герман Гвадовски, и было ему шестьдесят девять лет.

Кэтрин стояла в боксе, куда был помещен ее пациент, и методично изучала показания приборов, расставленных вокруг койки. Осциллограф показывал нормальный сердечный ритм. Артериальное давление составляло 110 на 70, а линия венозного давления плавно поднималась и опускалась, словно морская волна. Электроника свидетельствовала, что господин Гвадовски прооперирован успешно.

Но он не просыпается, подумала Кэтрин, посветив ручкой-фонариком сначала в левый зрачок, потом в правый. Почти восемь часов прошло после операции, а пациент по-прежнему был в глубокой коме.

Кэтрин выпрямилась и посмотрела на его грудную клетку, которая ритмично вздымалась, послушно следуя циклу работающего аппарата искусственной вентиляции легких. Да, она не дала ему умереть от полной кровопотери. Но что она спасла на самом деле? Тело, в котором билось сердце, но не функционировал мозг?

Кто-то постучал в стекло. Сквозь стеклянную перегородку бокса она увидела своего партнера, доктора Питера Фалко, который махал ей рукой. Его обычно жизнерадостное лицо выражало озабоченность.

Некоторые хирурги, переступая порог операционной, мечут громы и молнии. Другие высокомерно впадают, надевая хирургические халаты так, словно это королевская мантия. Есть и холодные профессионалы, для которых пациенты не более чем груда механических деталей, нуждающихся в ремонте.

А еще был Питер. Забавный, жизнелюбивый Питер, который, оперируя, напевал что-то из Элвиса, который устроил в клинике соревнования по запуску бумажных самолетиков, который весело ползал на четвереньках, играя в «Лего» со своими маленькими пациентами. Увидев его хмурое лицо, Кэтрин поспешила выйти из бокса.

– Все в порядке? – спросил он.

– Только что закончила осмотр.

Питер посмотрел на опутанного проводами и трубками Гвадовски:

– Я слышал, ты сделала невозможное. Спасла его от потери крови.

– Не знаю, считать ли это спасением. – Она оглянулась на своего пациента. – Все работает, кроме серого вещества.

Какое-то время оба молчали, наблюдая за тем, как поднимается и опускается грудная клетка Гвадовски.

– Хелен сказала, что к тебе сегодня приходили двое из полиции, – произнес Питер. – Что-то случилось?

– Ничего особенного.

– Опять забыла заплатить за парковку?

Она выдавила из себя смешок:

– Да, и рассчитываю, что ты поможешь мне освободиться под залог.

Они вышли из реанимации и двинулись по коридору. Долговязый Питер привычно вышагивал рядом с Кэтрин своей забавной походкой. Уже в лифте он спросил:

– Ты в порядке, Кэтрин?

– А почему ты спрашиваешь? Я что, плохо выгляжу?

– Честно? – Он пристально взгляделся в ее лицо, и под прицелом его голубых глаз она почувствовала себя незащищенной. – Ты выглядишь так, будто нуждаешься в бокале вина и хорошем ужине в ресторане. Как насчет того, чтобы составить мне компанию?

– Заманчивое предложение.

– Но?

– Но думаю, что сегодня я посижу дома.

Питер приложил руки к груди, словно раненный в самое сердце:

– Ты опять сразила меня наповал! Скажи, ну как найти к тебе подход?

Она улыбнулась:

– Сам думай.

– Хорошо, как тебе понравится такое? Сорока принесла мне на хвосте новость, что в субботу у тебя день рождения. Позволь увезти тебя на моем самолете.

– Не могу. Я дежурю в субботу.

– Ты можешь поменяться с Эймсом. Я с ним договорюсь.

– О, Питер, ты же знаешь, что я не люблю летать.

– Только не говори, что у тебя фобия.

– Просто я плохо переношу ситуации, которые не могу контролировать.

– Типичная логика хирурга.

– Мне очень лестна твоя оценка.

– Так что, свидание в небе отменяется? Я не могу повлиять на твое решение?

– Думаю, что нет.

Питер вздохнул:

– Ну, я исчерпал запас идей. Мой репертуар иссяк.

– Я знаю. Ты начинаешь повторяться.

– Вот и Хелен говорит то же самое.

Кэтрин бросила на него удивленный взгляд:

– Хелен дает тебе советы, как выманить меня на свидание?

– Она говорит, что у нее больше нет сил смотреть этот душераздирающий спектакль, в котором мужчина бьется головой о непробиваемую стену.

Они рассмеялись, вышли из лифта и направились к своему офису. Это был искренний смех двух коллег, которые прекрасно знали, что их словесная пикировка – не более чем игра. Поддерживая такого рода отношения, они щадили друг друга, оберегая от возможных обид и душевных травм. Это был легкий и безопасный флирт, освобождавший обоих от каких-либо обязательств. Питер шутливо приглашал Кэтрин на свидания, она в такой же манере отвергала его приглашения, и весь коллектив удачно подыгрывал парочке незадачливых влюбленных.

Была уже половина шестого вечера, и сотрудники разошлись по домам. Питер удалился в свой кабинет, Кэтрин прошла к себе, чтобы повесить халат и взять сумочку. В тот момент, когда она вешала халат на крючок, ей в голову пришла неожиданная мысль.

Она вышла в приемную и заглянула к Питеру. Он просматривал амбулаторные карты; очки для чтения сползли у него на самый кончик носа. В отличие от ее вылизанного кабинета рабочее пространство Питера поражало размахом беспорядка. Здесь царил настоящий хаос. В корзине для мусора высилась гора бумажных самолетиков. На стульях лежали стопки книг и журналов по хирургии. Одна стена была увита бесконтрольно растущим филодендроном. В его буйных зарослях прятались дипломы Питера – инженера по аэронавтике Массачусетского технологического института и доктора медицины Гарвардского университета.

– Питер... Конечно, это глупый вопрос...

Он взглянул на нее поверх очков:

– Тогда ты обратилась по адресу.

– Ты заходил ко мне в кабинет?

– Следует ли мне вызвать своего адвоката, прежде чем отвечать?

– Да ладно тебе. Я серьезно.

Он выпрямился в кресле и внимательно посмотрел на нее:

– Нет, не заходил. А почему ты спрашиваешь?

– Не бери в голову. Пустяки. – Кэтрин повернулась, чтобы уйти, и услышала, как под Питером скрипнуло кресло.

Он поднялся и последовал за Кэтрин в ее кабинет.

– Что «пустяки»? – спросил он.

– Я неисправимая перфекционистка. Меня раздражает, когда вещи оказываются не на своих местах.

– Что, например?

– Мой рабочий халат. Я всегда вешаю его на дверь, а он почему-то оказывается на шкафу с картотекой или на стуле. Я знаю, что это не Хелен и не другие секретарши. Я их уже спрашивала.

– Может, уборщица...

– И еще меня бесит, что я не могу найти свой фонендоскоп.

– Он что, до сих пор не нашелся?

– Мне пришлось взять у старшей медсестры.

Нахмурившись, Питер оглядел комнату:

– Да вот же он. На книжной полке.

Питер подошел к стеллажу, где на краю книжного ряда лежал фонендоскоп. Кэтрин молча взяла у него из рук трубку, уставившись на нее, как на диковинку. Как на черную змею, свернувшуюся клубком у нее на ладони.

– Эй, в чем дело?

Кэтрин тяжело вздохнула:

– Кажется, я просто устала.

Она сунула фонендоскоп в левый карман своего халата, где всегда его и держала.

– Ты уверена, что это все? Может, еще что-то не так?

– Мне нужно домой.

Кэтрин вышла из кабинета, Питер последовал за ней.

– Может, это как-то связано с теми полицейскими? Послушай, если у тебя неприятности... если я могу помочь...

– Мне не нужна никакая помощь, спасибо тебе. – Ответ прозвучал прохладнее, чем она рассчитывала, и Кэтрин тут же пожалела об этом. Питер не заслуживал такого отношения.

– Знаешь, мне было бы приятно, если бы ты чаще обращалась ко мне за помощью, – тихо произнес он. – Мы ведь работаем вместе. Мы партнеры. Или ты так не считаешь?

Кэтрин не ответила.

Он направился к своему кабинету:

– Увидимся утром.

– Питер...

– Да?

– Насчет тех офицеров из полиции... И насчет того, зачем они приходили...

– Ты не обязана мне рассказывать.

– Нет, я хочу рассказать. Если я этого не сделаю, ты так и будешь теряться в догадках. Они приходили задать мне несколько вопросов, связанных с расследованием убийства. В четверг ночью была убита женщина. Они думали, что, возможно, я с ней знакома.

– Ты действительно ее знаешь?

– Нет. Это была ошибка, вот и все. – Она вздохнула. – Просто ошибка.

Кэтрин задвинула дверной засов, который с внушительным грохотом встал на место, накинула цепочку. Еще одна линия обороны от кошмаров, притаившихся за стенами ее квартиры. Забаррикадовавшись, она разулась, положила сумочку и ключи от машины на столик в прихожей и босиком прошла в гостиную, ступая по пушистому белому ковру. В квартире царила приятная прохлада благодаря чуду системы кондиционирования. На улице было градусов тридцать, а в доме температура никогда не поднималась выше двадцати четырех летом и не опускалась ниже двадцати зимой. В жизни было так мало прогнозируемого, определенного, и Кэтрин изо всех сил старалась поддерживать хоть какой-то порядок в рамках своего жизненного пространства. Она выбрала этот двенадцатипятиэтажный кондоминиум на Коммонуэлт-авеню, поскольку дом был новый, с безопасным подземным гаражом. Пусть он был не столь колоритен, как краснокирпичные дома исторической застройки в Бэк-Бее, но зато гарантировал своим жильцам отсутствие проблем с водоснабжением или электропроводкой, которые неизбежно возникали в старых зданиях. Кэтрин же была приверженцем четкости и порядка во всем. Квартиру она содержала в безукоризненной чистоте и, за исключением редких цветочных пятен, интерьер предпочитала белый. Белый диван, белые ковры, белый кафель. Цвет чистоты. Нетронутой. Девственной.

В спальне она разделась, повесила юбку, отложила блузку, которую следовало сдать в химчистку. Переоделась в широкие брюки и шелковую рубашку без рукавов. К тому времени, когда Кэтрин босиком прошла в кухню, она обрела прежнее душевное равновесие и вновь ощутила уверенность в себе.

Сегодня днем такой уверенности у нее не было. Визит двух детективов поверг ее в смятение, и всю вторую половину дня она ловила себя на том, что допускает нелепые ошибки. Хватает не те приборы, записывает в амбулаторную карту неверные данные. Все это были лишь мелкие промахи, но они образовали ту рябь на поверхности воды, которая предвещает шторм. За последние два года Кэтрин удалось подавить в себе воспоминания о том, что произошло в Саванне. Правда, иногда, без всякого предупреждения, в памяти всплывал тот или иной эпизод, но она ловко обходила его стороной, обращаясь к другим мыслям. Сегодня Кэтрин не смогла убежать от прошлого. Сегодня она не смогла притвориться, будто Саванны в ее жизни не было.

Кафель под ногами охлаждал босые ноги. Кэтрин приготовила себе «отвертку» с малой дозой водки и, потягивая коктейль, принялась натирать пармезан, резать помидоры, лук и травы. Она с утра ничего не ела, и алкоголь быстро всасывался в кровь. Водка вызвала приятное опьянение и легкое забытие. Кэтрин испытывала удовольствие от плавного скольжения ножа, от запаха свежего базилика и чеснока. Кулинарная терапия.

За окном томился в духоте Бостон, изнывающий от автомобильных пробок и нервных жителей, в то время как она, надежно защищенная стеклопакетами, спокойно готовила соте из помидоров на оливковом масле, наливала в бокал кьянти, ставила на огонь воду для спагетти. Прохладный воздух с тихим свистом вырывался из кондиционера.

Кэтрин поставила на стол спагетти, салат и вино и стала ужинать под аккомпанемент Дебюсси. Несмотря на голод и усилия, затраченные на приготовление пищи, все казалось безвкусным. Кэтрин заставляла себя есть, но еда застревала в горле, словно она глотала что-то вязкое. Даже второй бокал вина не помог протолкнуть этот ком. Она отложила вилку и усталилась на недоеденный ужин. Музыка накатывала на нее мощными волнами.

Кэтрин уронила лицо в ладони. Поначалу она не могла издать ни звука. Как будто ее горе так долго было закупорено в сосуде, что уже не могло прорваться наружу. Но вот пробился тоненький всхлип, и следом за ним в диком вопле выплеснулась боль, скопившаяся за два года. Кэтрин и сама испугалась такого накала эмоций, поскольку уже не могла обуздать их, как

не могла и предсказать, когда же наступит конец. Она рыдала, пока не распухло горло, пока легкие не надорвались от спазмов.

Наконец, когда все слезы были выплаканы, Кэтрин легла на диван и тут же провалилась в глубокий сон.

Она резко проснулась, уже в полной темноте. Сердце колотилось, блузка намокла от пота. Послышался ли ей шум? Или на самом деле треснуло стекло и раздались шаги? Может, от этого она и проснулась? Кэтрин боялась шевельнуться, чтобы не пропустить ни единого звука.

В окне мелькали отсветы автомобильных фар. Гостиная на миг освещалась и вновь погружалась в темноту. Кэтрин прислушалась к свисту кондиционера, к урчанию холодильника в кухне. Никаких посторонних звуков. Ничего, что могло бы вызвать такой ужас.

Она села на диване и, набравшись храбрости, включила лампу. Воображаемые страхи тут же растворились в мягком свете. Кэтрин встала и начала обходить комнаты, включая всюду свет, заглядывая в шкафы. Умом она понимала, что никто не мог проникнуть в ее квартиру, оборудованную мудреной системой сигнализации, надежно запертую на засовы и замки. Но все равно не могла успокоиться, пока не завершила ритуал обхода и не исследовала каждый темный закуток. Лишь убедившись в том, что ее безопасности ничего не угрожает, она позволила себе расслабиться.

Была половина одиннадцатого вечера. Среда.

«Мне необходимо поговорить с кем-нибудь. Одна я не справлюсь с этим».

Кэтрин села к столу, включила компьютер и уставилась на вспыхнувший приветствием экран. Этот пластиковый ящик, напичканный электроникой, был ее терапевтом, единственной отдушиной, куда она могла без опаски излить свою боль.

Она набрала свое имя, CCORD, под которым была зарегистрирована в Интернете, и, несколько раз щелкнув мышкой, нажав две-три клавиши на клавиатуре, легко нашла дорогу в чат-рум с незатейливым названием «Женская помощь».

На экране появился десяток знакомых ников. Это были прозвища невидимых безымянных женщин, стремящихся в спасительную анонимную гавань киберпространства. Какое-то время Кэтрин просматривала сообщения, которыми обменивались собеседницы, и ей казалось, будто она слышит голоса таких же, как она, глубоко травмированных женщин.

LAURIE45: Ну, и что дальше?

VOTIVE: Я сказала ему, что не готова. Меня еще мучают воспоминания. Я сказала, что, если я ему небезразлична, он должен подождать.

HBREAKER: Молодец.

WINKY98: Не позволяй ему торопить тебя.

LAURIE45: Ну и как он отреагировал?

VOTIVE: Сказал, что я должна просто ПЕРЕШАГНУТЬ ЧЕРЕЗ ЭТО. Словно я кукла бездушная.

WINKY98: Мужиков тоже нужно изнасиловать!

HBREAKER: У меня ушло два года, прежде чем я смогла оправиться.

LAURIE45: А у меня больше года.

WINKY98: Мужики только и думают что о своих членах. Главное, чтобы эта ШТУКА получила удовлетворение.

LAURIE45: Уф. Ты сегодня в ударе, Винк.

WINKY98: Возможно. Иногда я думаю, что Лорена Бобитт¹ была права.

HBREAKER: Винк пошла вразнос!

VOTIVE: Мне кажется, что он не хочет ждать. Думаю, он бросит меня.

WINKY98: Ты достойна того, чтобы тебя ждали. Ты ДОСТОЙНА!

На несколько секунд экран опустел. Потом появилась строчка:

LAURIE45: Привет, CCORD. Рада, что ты вернулась.

Кэтрин ответила:

CCORD: Я вижу, мы опять обсуждаем мужчин.

LAURIE45: Да. Почему мы никак не можем уйти от этой надоевшей темы?

VOTIVE: Потому что именно они обижают нас.

Последовала еще одна долгая пауза. Кэтрин глубоко вздохнула и напечатала:

CCORD: У меня был ужасный день.

LAURIE45: Расскажи нам, СС. Что случилось?

Кэтрин казалось, будто она слышит, как в эфире шелестят женские голоса, нежные и успокаивающие.

CCORD: Сегодня вечером у меня был приступ паники. Я дома, в безопасности, ко мне никто не может проникнуть, и все равно это не отпускает меня.

WINKY98: Не сдавайся. Не позволяй ему превращать тебя в пленницу.

CCORD: Уже поздно. Я в плену. Потому что сегодня вечером я поняла нечто ужасное.

WINKY98: Что такое?

CCORD: Зло не умирает. Никогда. Оно просто обретает новое лицо, новое имя. То, что однажды Зло коснулось нас, не означает, что теперь у нас к нему иммунитет. Молния может ударить и дважды.

Ей никто не ответил.

«Какими бы осторожными мы ни были, зло все равно знает, где мы живем, – подумала Кэтрин. – Оно знает, как найти жертву».

Струйка пота пробежала у нее по спине.

«И я чувствую его приближение. Оно совсем рядом».

Нина Пейтон никуда не ходит, ни с кем не встречается. Вот уже несколько недель она не появляется на работе. Сегодня я позвонил в ее офис в Бруклине, где она работает торговым представителем, и ее коллега сказал мне, что не знает, когда она вернется. Словно раненый зверь, таится она в своей пещере, опасаясь выползти из нее с наступлением сумерек. Она знает, какие опасности подстерегают ее в ночи, потому что однажды зло уже коснулось ее, и теперь ей кажется, будто оно просачивается даже сквозь стены ее дома. Шторы на ее окнах плотно задернуты, но ткань тонкая, и я вижу, как она ходит по квартире, взад-вперед, взад-вперед. Она ходит сгорбившись, прижав руки к груди. Ее силуэт словно собрался в шар. Движения порывистые, механические.

Она проверяет замки на дверях, инпираторы на окнах. Пытается отгородиться от темноты, оставить ее за окном.

В ее маленьком доме, должно быть, совсем нечем дышать. Ночь душная, а в ее окнах не видно кондиционеров. Весь вечер она сидит дома, не открывая окон, несмотря на духоту. Я представляю, как она блестит от пота, изнывает от жары, мечтает впустить в окно свежий воздух, но боится, что вместе с воздухом ворвется и что-то другое.

Она опять проходит мимо окна. Останавливается. Медлит. Внезапно шторы распахиваются. Она тянется к шпингалету, отодвигает его и поднимает окно. Жадно глотает свежий воздух. Она наконец сдалась, уступив жаре.

Нет ничего более волнующего для охотника, чем запах раненого зверя. Я почти чувствую его, этот запах истекающей кровью жертвы, оскверненной плоти. Точно так же, как она вдыхает ночной воздух, я вдыхаю ее запах. Ее страх.

Мое сердце бьется чаще. Я лезу в сумку, чтобы прикоснуться к инструментам. Даже сталь кажется теплой на ощупь.

Она закрывает окно. Несколько глубоких глотков свежего воздуха – это все, что она может себе позволить, прежде чем вернется в свою убогую душиную конуру.

Я мирюсь с разочарованием и ухожу, оставляя ее на всю ночь в этой душегубке.

Завтра, говорят, жара усилится.

5

– Этот неизвестный – типичный пикерист, – подытожил доктор Цукер. – Так называют тех, кто с помощью ножа пытается достичь сексуального удовлетворения. Пикеризм подразумевает нанесение ран или порезов – собственно, любое проникновение в кожу с помощью острого предмета. Нож выступает в роли фаллического символа – субститута мужского полового органа. Вместо нормального полового акта наш неизвестный получает удовлетворение, подвергая жертву боли и устрашению. Его заводит власть над ней. Высшая власть – власть над жизнью и смертью.

Детектив Джейн Риццоли была не из пугливых, но общение с доктором Цукером повергало ее в дрожь. Он напоминал ей бледнолицего и нескладного Джона Малковича, а его голос, больше похожий на шепот, можно было принять за женский. Когда он говорил, его пальцы все время шевелились и скрючивались. Он не служил в полиции, а был психологом-криминалистом из Северо-Восточного университета, и его приглашали для консультаций в Бостонское управление. Риццоли уже доводилось однажды работать с ним по убийству, и он еще тогда навевал на нее страх. Дело было даже не в его внешности, а в том, что он слишком глубоко проникал в психологию преступника и получал очевидное удовольствие, блуждая в этом сатанинском измерении. Он наслаждался процессом. Ей казалось, что она улавливает в его голосе подсознательное возбуждение.

Она обвела взглядом присутствовавших на совещании детективов и задалась вопросом, не испытывают ли и они подобные ощущения, но увидела перед собой лишь их усталые лица, тронутые тенью пятичасовой щетины.

На самом деле они все устали. Сегодня ей удалось поспать всего часа четыре, не больше. Утром она проснулась еще затемно, и голова сразу включилась на четвертую передачу, чтобы поспеть за калейдоскопом образов и голосов. Она была настолько поглощена делом Елены Ортис, что даже во сне вела с убитой разговоры, хотя и бессмысленные. Жаль, но никаких откровений или сигналов с того света она не получила, как не было и озарений. И все же Риццоли считала свои сны знаковыми. Они лишний раз подтверждали, как много значило для нее это дело. Руководство расследованием серии убийств, к которому приковано всеобщее внимание, было равнозначно хождению по проволоке без страховки. Поймай она преступника – и раздастся гром аплодисментов. Оступись она – и весь мир с удовольствием понаблюдает за ее падением.

Дело было и в самом деле громким. Пару дней назад на первой странице местного таблоида появился заголовок: «Хирург опять режет». Стараниями «Бостон геральд» их убийца получил персональное прозвище, и теперь даже полицейские называли его не иначе как Хирург.

Видит бог, она была готова совершить этот опасный трюк, испытать судьбу и тогда либо вознестись, либо рухнуть. Неделю тому назад, впервые появившись в квартире Елены Ортис в качестве ведущего детектива, она сразу поняла, что на этом деле можно сделать карьеру, и ей не терпелось показать себя.

Как быстро все изменилось!

Уже через день ее дело стало составной частью масштабного расследования, возглавляемого начальником отдела лейтенантом Маркеттом. Дело Елены Ортис объединили с делом Дианы Стерлинг, и команда разрослась до пяти детективов, не считая самого Маркетта. Теперь в нее входили: Риццоли и ее напарник Барри Фрост, Мур со своим неуклюжим напарником Джерри Слипером, и пятым был детектив Даррен Кроу. Риццоли была единственной женщиной в команде; на самом деле единственной женщиной она была и во всем подразделении, и не всем мужчинам это было по душе. Да, она прекрасно ладила с Барри Фростом, хотя временами ее и раздражал его чрезмерный оптимизм. Джерри Слипер был слишком флегматичным, чтобы

доставать кого-то или самому реагировать на чьи-либо выпады. А что касается Мура – стоило признать, что, несмотря на первоначальную настороженность, она проникалась к нему все большей симпатией и искренне уважала его спокойную и методичную манеру работы. Главное, что и он, похоже, уважал ее. Когда она говорила, то знала, что Мур внимательно ее слушает.

А вот с пятым детективом, Дарреном Кроу, возникали проблемы. Причем серьезные. Сейчас он сидел как раз напротив, и на его загорелом лице, как всегда, блуждала издевательская ухмылка. Джейн выросла среди таких вот мальчишек. С накачанными мышцами, многочисленными подружками и чрезмерным самомнением.

Они с Кроу презирали друг друга.

На стол выложили стопку документов. Риццоли взяла свой экземпляр и обнаружила, что это психологический портрет преступника, который только что составил доктор Цукер.

– Я знаю, кому-то из вас мои выводы покажутся надуманными, – сказал Цукер. – Позвольте объяснить логику моих рассуждений. Нам известно следующее об этом субъекте. Он проникает в дом жертвы через открытое окно. Прodelывает это ночью, примерно между полуночью и двумя часами. Он застает сонную жертву врасплох. Сразу же усыпляет ее хлороформом. Раздевает. Привязывает к кровати, используя клейкую ленту, которой заматывает щиколотки и запястья. Для надежности укрепляет ленту на бедрах и талии. Наконец, он заклеивает жертве рот. Полный контроль – вот чего он добивается. Когда жертва вскоре просыпается, она не может ни двинуться, ни закричать. Она как будто парализована, и в то же время она не спит и осознает все, что происходит с ней дальше. А дальше происходит то, что и в самом страшном сне трудно представить.

Голос Цукера стал совсем уж монотонным. Когда очередь дошла до самых жутких деталей, он опустил до шепота, и все подались вперед, стараясь не пропустить ни слова.

– Убийца начинает резать, – говорил Цукер. – Как следует из протокола вскрытия, он не торопится, делает все методично. Он очень щепетилен. Слои за слоями он надрезает нижнюю часть живота. Сначала кожу, затем подкожный слой, фасцию, мышцы. Чтобы предотвратить кровотечение, он накладывает швы. Он ищет и удаляет только нужный ему орган. Ничего лишнего. А нужна ему матка.

Цукер оглядел своих слушателей, наблюдая за их реакцией. Взгляд его остановился на Риццоли, единственной из присутствующих, кто обладал органом, о котором шла речь. Она дерзко уставилась на него, возмущенная тем, что он выделил ее именно по половому признаку.

– Какой из этого можно сделать вывод, детектив Риццоли?

– Он ненавидит женщин, – ответила она. – Он вырезает именно то, что делает женщину женщиной.

Цукер кивнул, и его улыбка вызвала у нее содрогание.

– То же самое Джек-потрошитель проделал с Энни Чепман. Забирая матку, он уничтожает в своей жертве женщину. Он забирает у нее власть, которой она наделена от природы. Его не интересуют ни ее драгоценности, ни деньги. Он хочет только одного, и, как только приз оказывается у него в руках, он переходит к финальной части. Но сначала он берет паузу, которая предшествует полному удовлетворению. Вскрытие обеих женщин показало, что он останавливается в этой точке. Возможно, проходит около часа, пока женщина продолжает медленно истекать кровью, которая скапливается в ране. Что он делает в это время?

– Получает удовольствие, – тихо произнес Мур.

– Ты имеешь в виду, мастурбирует? – спросил Даррен Кроу с привычной для него грубостью.

– Ни на одном месте преступления не обнаружено эякулята, – заметила Риццоли.

Кроу смерил ее взглядом, в котором явственно читалось: «Ну не умница ли?»

– Отсутствие э-я-ку-ля-та, – произнес он, саркастически выделяя каждый слог, – не исключает возможность мастурбации.

– Я не думаю, что он на самом деле мастурбировал, – сказал Цукер. – Именно этот субъект ни на минуту не утратит контроль над ситуацией, находясь в незнакомой обстановке. Думаю, он подождет, пока окажется в безопасном месте, где ему никто не мешает в полной мере получить сексуальное удовлетворение. Все на месте преступления подтверждает, что главное для него – контроль. Смертельный удар он наносит уверенно и властно. Он перерезает горло жертвы одним махом. А после этого проводит финальный ритуал.

Цукер полез в свой портфель и достал две фотографии с места преступления, которые выложил на стол. На одной была заснята спальня Дианы Стерлинг, на другой – Елены Ортис.

– Он аккуратно складывает их ночные сорочки, которые оставляет возле трупа. Мы знаем, что проделывал он это уже после расчленения, поскольку пятна крови обнаружены на внутренних складках.

– Зачем он это делает? – спросил Фрост. – В чем здесь символика?

– Еще одно проявление контроля, – сказала Риццоли.

Цукер кивнул:

– Конечно. Этим ритуалом он демонстрирует, что полностью владеет ситуацией. Но можно сказать, что он и сам подвластен ритуалу. Это порыв, противостоять которому он не в силах.

– А если бы ему что-то помешало исполнить его? – спросил Фрост. – Предположим, его вспугнули?

– Это вызвало бы в нем злость и раздражение. Возможно, он был бы вынужден немедленно броситься на поиски новой жертвы. Но до сих пор ему всегда удавалось завершить задуманное. И каждое убийство приносило ему удовлетворение на длительный период. – Цукер оглядел собравшихся. – Должен вам сказать, что мы имеем дело с самым сложным типом преступника. Между его вылазками интервал в один год – это исключительная редкость. Он в течение многих месяцев выслеживает новую добычу. Мы можем сбиться с ног, разыскивая его, в то время как он будет отсиживаться где-то и, не торопясь, готовиться к следующему убийству. Он очень осторожен. Организован. Он практически не оставляет после себя следов. – Цукер посмотрел на Мура, ожидая подтверждения правильности своих выводов.

– Ни на одном месте преступления не обнаружено ни отпечатков пальцев, ни ДНК, – подтвердил Мур. – Все, что мы имеем, – это единственный волос, застрявший в ране Ортис. И несколько темных волокон полиэстера, оставшихся на оконной раме.

– Я так понимаю, что нет и свидетелей, – уточнил доктор Цукер.

– По делу Стерлинг мы опросили около тысячи трехсот человек. По делу Ортис на сегодняшний день опрошено сто восемьдесят человек. Никто не видел преступника. Никто не заметил ничего подозрительного.

– Зато у нас есть уже три признания, – встрял Кроу. – Самозванные убийцы пришли к нам с улицы. Мы сняли с них показания и отпустили с богом. – Он рассмеялся. – Психи.

– Этот убийца далеко не псих, – заметил Цукер. – Не удивлюсь, если он производит впечатление вполне нормального человека. Мне представляется, что это белый мужчина лет под тридцать или чуть больше тридцати. Аккуратный, ухоженный, с интеллектом выше среднего. Почти наверняка имеет высшее образование – возможно, окончил колледж или даже университет. Два места преступления находятся в миле друг от друга, и убийства были совершены в такое время суток, когда общественный транспорт уже прекращает работу. Выходит, он передвигается на автомобиле. Машина у него чистая и в хорошем состоянии. Скорее всего, у него никогда не было проблем с душевным здоровьем, но не исключено, что в юности он имел опыт разбойного нападения или склонность к созерцанию эротических сцен. Если у него есть работа, то наверняка такая, которая требует и ума, и аккуратности. Мы знаем, что он тщательно планирует преступления, и это подтверждается тем фактом, что он всегда имеет при себе набор инструментов: скальпель, шовный материал, клейкую ленту, хлороформ. Плюс контейнер, в

котором уносит домой свой сувенир. Впрочем, им может быть обычный целлофановый пакет на молнии. Он работает в такой сфере, которая требует внимания к деталям. И поскольку очевидно, что он обладает познаниями в области анатомии и хирургическими навыками, можно с большой долей вероятности предположить, что мы имеем дело с профессиональным медиком.

Риццоли и Мур переглянулись, оба подумав об одном и том же. В Бостоне на душу населения врачей приходилось больше, чем где бы то ни было.

– Поскольку он умен, – продолжал Цукер, – то знает, что мы наблюдаем за местом преступления. И он будет изо всех сил сопротивляться искушению вернуться. Но искушение, несомненно, есть, так что стоит понаблюдать за домом Ортис, по крайней мере еще какое-то время. Он также достаточно умен, чтобы не выбирать жертву из числа тех, кто живет по соседству. Он скорее «гастролер», а не «мародер». Охотится он за пределами своей округи. Но, пока данных у нас маловато, я не могу составить географический профиль, указав те районы города, на которых вам следует сосредоточить свое внимание.

– И сколько данных вам еще нужно? – спросила Риццоли.

– Минимум пять.

– Вы хотите сказать, что вам нужно еще пять трупов?

– Программа составления географического профиля, которой я пользуюсь, требует, как минимум, пяти эпизодов. Я пробовал работать, ограничиваясь четырьмя, и иногда удавалось предсказать место жительства преступника, но в этом случае существует вероятность просчета. Нам необходимо знать как можно больше о его перемещениях. О местах, в которых он совершает убийства, куда стремится. Каждый убийца действует в пределах какой-то своей комфортной зоны. Они охотятся, как плотоядные животные. У каждого своя территория, свои норы, где они прячут добычу. – Цукер обвел взглядом невозмутимые лица детективов. – Пока мы слишком мало знаем об этом преступнике, чтобы делать какие-то прогнозы. Так что стоит сосредоточиться на жертвах. Кто они были, почему он выбрал именно их.

Цукер опять полез в свой портфель и достал две папки: на одной было выведено «Стерлинг», на другой – «Ортис». Он вывалил на стол с десяток фотографий. Это были снимки обеих женщин, сделанные при жизни, мелькали среди них и детские фотографии.

– Вы, возможно, не видели этих фотографий. Я попросил их у родственников покойных, просто чтобы мы могли понять историю жизни этих женщин. Вглядитесь в их лица. Попробуйте угадать, какими они были людьми. Почему убийца выбрал именно их? Где он их увидел? Что в них было такого, что привлекло его внимание? Смех? Улыбка? А может, походка?

Он принялся зачитывать текст, отпечатанный на листе бумаги:

– Диана Стерлинг, тридцать лет. Блондинка, глаза голубые. Рост сто пятьдесят семь сантиметров, вес пятьдесят семь килограммов. Род занятий: турагент. Место работы: Нью-бери-стрит. Место жительства: Марлборо-стрит, Бэк-Бей. Выпускница Смит-колледжа. Родители оба адвокаты, живут в собственном доме стоимостью в два миллиона долларов в Коннектикуте. Бойфренды: на момент смерти нет.

Он отложил лист и взял со стола другой:

– Елена Ортис, двадцать два года. Испанка. Брюнетка, глаза карие. Рост сто пятьдесят два сантиметра, вес сорок семь килограммов. Род занятий: продавщица в семейном цветочном магазине в Саут-Энде. Место жительства: квартира в Саут-Энде. Образование: средняя школа. Всю свою жизнь прожила в Бостоне. Бойфренды: на момент смерти нет.

Он поднял взгляд.

– Две женщины, которые жили в одном городе, но вращались в совершенно разных мирах. Покупки они делали в разных магазинах, ели в разных ресторанах, общих друзей у них не было. Как их находит наш убийца? Где он их находит? Они не только отличаются друг от друга, но не похожи и на типичных жертв сексуального насилия. Большинство преступников нападают на самых незащищенных членов общества – проституток или любительниц пере-

двигаться автостопом. Как любой хищник, они атакуют животное, которое находится на краю стада. Так почему же он выбрал именно этих двух? – Цукер покачал головой. – Я не знаю.

Риццоли посмотрела на разложенные снимки, и взгляд ее остановился на фотографии Дианы Стерлинг. Лучезарно улыбающаяся девушка, свежее испеченная выпускница престижного Смит-колледжа, в берете и плаще. «Золотая» девушка. «Каково это – быть „золотой“?» – подумала Риццоли. Ей трудно было представить. Младшая сестра двух красивых и крепких братьев, Джейн росла под обстрелом их колкостей и насмешек и отчаянно боролась за право состоять в их компании. Разумеется, Диана Стерлинг, с ее аристократическими скулами и лебединой шеей, понятия не имела, что значит быть вышвырнутой из братства дворовой шпаны. Она не знала, каково это, когда тебя презирают.

Внимание Риццоли привлекла золотая цепочка с кулоном на шее Дианы. Она взяла фотографию и присмотрелась внимательнее. Чувствуя, как забилося сердце, она огляделась по сторонам, пытаясь угадать, заметил ли кто-то еще то, что заметила она. Но никто из коллег не смотрел ни на нее, ни на фотографии; все взгляды были сосредоточены на докторе Цукере.

А он между тем развернул карту Бостона. Сквозь паутину городских улиц проступали две заштрихованные зоны: одна включала в себя район Бэк-Бей, другая – Саут-Энд.

– Это известные нам по двум жертвам места, в которых орудовал убийца. Кварталы, в которых проживали и работали жертвы. Повседневная жизнь каждого из нас протекает в знакомых нам окрестностях. У психологов даже есть на этот счет поговорка: «Куда мы ходим, определяется тем, что мы знаем; и то, что мы знаем, определяется тем, куда мы ходим». Это одинаково верно и для жертв, и для преступников. На этой карте хорошо видно, в каких разных мирах жили эти две женщины. Они даже не соприкасаются. Нет ни одной точки, в которой их жизни могли бы пересечься. Вот это меня больше всего и озадачивает. В этом ключ к расследованию. Что объединяет Стерлинг и Ортис?

Взгляд Риццоли вновь упал на фотографию. На золотой кулон, свисавший с шеи Дианы.

«Я могу и ошибаться. Я ничего не могу сказать, пока не буду уверена, иначе опять дам повод Даррену Кроу высмеять меня».

– А вам известно, что в этом деле есть и другой поворот? – произнес Мур. – Доктор Кэтрин Корделл.

Цукер кивнул:

– Оставшаяся в живых жертва из Саванны.

– Некоторые подробности, касающиеся почерка Эндрю Капры, не были преданы огласке и остались тайной следствия. Например, использование кетгута в качестве шовного материала. Сложенные ночные сорочки жертв. Тем не менее наш неизвестный в точности воспроизводит именно эти детали.

– Убийцы на самом деле прекрасно общаются друг с другом. Это своего рода братство.

– Капры нет на свете вот уже два года. Он не может ни с кем общаться.

– Но пока был жив, он мог поделиться своими навыками с нашим неизвестным. Я надеюсь, именно этим все объясняется. Потому что альтернатива гораздо страшнее.

– Что наш убийца имел доступ к секретным материалам полиции Саванны? – уточнил Мур.

Цукер кивнул.

– Что означало бы его принадлежность к правоохранительным структурам.

В комнате воцарилось молчание. Риццоли не смогла удержаться и обвела взглядом своих коллег: все они были мужчины. Она задумалась над тем, какого мужчину может привлечь работа в полиции. Мужчину, который любит силу и власть, оружие и большие полномочия, дающие право контролировать других.

«Именно то, о чем мечтает наш неизвестный».

Когда был объявлен перерыв, Риццоли дождалась, пока ее коллеги покинут зал заседаний, и подошла к Цукеру.

– Можно я на некоторое время возьму эту фотографию? – спросила она.

– А я могу спросить, чем вызван такой интерес к ней?

– Да есть одна идея.

Цукер растянул губы в злобешней улыбке в духе Джона Малковича.

– Поделитесь со мной?

– Я не делюсь своими идеями.

– Плохая примета? – еще шире улыбнулся Цукер.

– Просто защищаю свою территорию.

– Но вы же работаете в команде.

– Забавная штука – эта командная работа, – усмехнулась Джейн. – Идеи мои, а лавры достаются кому-то другому.

С фотографией в руке она вышла из комнаты и тотчас пожалела о последней реплике. Но ее уже давно достали коллеги-мужчины, их язвительные шуточки и колкости, дополнявшие общую картину неприязненного к ней отношения. Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал опрос соседки Елены Ортис, который они проводили вместе с Дарреном Кроу. Кроу постоянно перебивал Риццоли, чтобы задать свои вопросы. Когда она попросила его удалиться и впредь следить за своим поведением, он выпалил классическое мужское оскорбление: «Я так понимаю, что попал на критические дни».

Нет уж, она собиралась держать свои идеи при себе. Если ее подозрения не подтвердятся, тогда никто, во всяком случае, не поднимет ее на смех. А если окажется, что она попала в точку, тогда уж она утрет всем нос.

Джейн вернулась на свое рабочее место, чтобы еще раз рассмотреть выпускное фото Дианы Стерлинг. Потянувшись за лупой, она вдруг обратила внимание на бутылку минеральной воды, которую всегда держала на столе, и все в ней закипело, когда она увидела, что туда запахнули.

«Не реагируй, – приказала она себе. – И виду не показывай, будто тебя это задело».

Стараясь не смотреть на бутылку с водой и отвратительный предмет, болтавшийся внутри, она направила лупу на шею Дианы Стерлинг. В комнате воцарилась неестественная тишина. Джейн чувствовала на себе взгляд Даррена Кроу, который так и ждал, когда же она взорвется.

«Не дождешься, мерзавец. На этот раз у тебя не пройдет».

Она сосредоточилась на ожерелье Дианы. Эта деталь поначалу ускользнула от ее внимания, что было неудивительно – настолько притягательным было лицо девушки, ее красивые высокие скулы, изящно изогнутые брови. Теперь она присмотрелась к двум кулонам, подвешенным на тонкой цепочке. Один кулон был в форме замочка, а второй был крохотным ключиком. «Ключ к сердцу», – мелькнуло у нее в голове.

Риццоли порылась в папках и отыскала фотографии с места убийства Елены Ортис. Вооружившись лупой, она стала рассматривать тело жертвы. Под слоем засохшей на шее крови ей удалось различить тонкую змейку золотой цепочки; кулоны не просматривались.

Она потянулась к телефону и набрала номер судмедэксперта.

– Доктора Тирни не будет до конца дня, – ответила его секретарь. – Могу я вам чем-то помочь?

– Я по поводу вскрытия, которое он делал в прошлую пятницу. Елена Ортис.

– Да?

– На убитой было ювелирное украшение, когда ее доставили в морг. Оно до сих пор у вас?

– Сейчас проверю.

Риццоли ждала, постукивая карандашом по столу. Бутылка с водой стояла прямо перед ней, но она упорно ее не замечала. Злость уступила место возбуждению. Азарту охотника, идущего по следу.

– Детектив Риццоли? – снова раздался голос секретаря.

– Я слушаю.

– Личные вещи забрали родственники. Пару золотых сережек, ожерелье, кольцо.

– Кто расписался в получении?

– Анна Гарсиа, сестра жертвы.

– Спасибо. – Риццоли положила трубку и взглянула на часы. Анна Гарсиа жила в Денвере, и ехать к ней предстояло в самый час пик...

– Вы не знаете, где Фрост? – спросил Мур.

Риццоли подняла глаза и очень удивилась, увидев, что он стоит возле ее стола.

– Нет. Не знаю.

– Куда он мог запропасться?

– Я не держу его на поводке, – пожав плечами, ответила она.

Последовала пауза. Потом Мур спросил:

– Что это?

– Фотографии с места убийства Ортис.

– Нет. Что это за штука в бутылке?

Она опять подняла голову и увидела, что он хмурится.

– Вы что, не узнаете? Это же тампон. Кое-кто здесь отличается слишком тонким чувством юмора. – При этом она красноречиво посмотрела в сторону Даррена Кроу, который предпочел отвернуться, чтобы не прыснуть от смеха.

– Я разберусь с этим, – сказал Мур и взял со стола бутылку.

– Эй! – воскликнула она. – Да черт с ней, Мур. Забудьте!

Между тем детектив уже зашел в кабинет лейтенанта Маркетта. Сквозь стеклянную перегородку она увидела, как он поставил бутылку на стол начальника отдела. Тот обернулся и посмотрел в сторону Риццоли.

«Ну вот, опять. Теперь они будут говорить, что эта стерва не понимает шуток».

Джейн схватила свою сумку, собрала фотографии и вышла из офиса.

Она была уже возле лифтов, когда ее окликнул Мур:

– Риццоли!

– Я сама могу за себя постоять! – огрызнулась она.

– Да, но вы просто сидели за столом, а эта... штука была перед вами.

– Тампон. Неужели так трудно произнести это слово вслух?

– Почему вы на меня злитесь? – Мур недоуменно развел руками. – Я ведь пытаюсь защитить вас.

– Послушайте, Святой Томас, знаете, как это бывает с женщинами? Я пожалуй, я же и получу по мозгам. И в моем личном деле появится запись: «Не умеет работать в мужском коллективе». На моей репутации будет поставлено клеймо: Риццоли нюня, Риццоли размазня.

– Напротив, они почувствуют себя победителями, если вы не станете жаловаться.

– Я уже пробовала разную тактику. Бесполезно. Так что впредь не надо делать мне никаких одолжений, договорились? – Она набросила сумку на плечо и вошла в лифт.

Лишь только двери лифта закрылись, ей захотелось взять свои слова обратно. Мур не заслуживал такой отповеди. Он всегда был вежлив, настоящий джентльмен, а она в запальчивости бросила ему в лицо прозвище, которым его дразнили за глаза в отделе, – Святой Томас. Полицейский, который никогда не шел по трупам, не ругался, не терял самообладания.

И были еще печальные обстоятельства его личной жизни. Два года назад у его жены Мэри случилось кровоизлияние в мозг. Полгода она пролежала в коме, но Мур до последнего

дня не терял надежды на выздоровление. Прошло полтора года после смерти Мэри, а он, казалось, так и не смирился с утратой. По-прежнему носил обручальное кольцо, держал на столе ее фотографию. Риццоли часто наблюдала, как рушились семьи у полицейских, видела, как быстро обновлялась галерея женских образов на столах многих ее коллег-мужчин. На столе Мура оставалась Мэри с застывшей навеки улыбкой.

Святой Томас? Риццоли скептически покачала головой. Если на земле и были настоящие святые, то уж точно не из числа полицейских.

Один хотел, чтобы он жил, другая хотела его смерти, и оба наперебой клялись ему в своей любви, соревнуясь в том, кто любит сильнее. Сын и дочь Германа Гвадовски сидели друг против друга по разные стороны отцовской кровати, и никто не хотел уступать.

– Не ты один заботился об отце, – говорила Мэрилин. – Я готовила ему еду. Убирала его дом. Я возила его к врачу каждый месяц. Ты, вообще-то, хоть иногда навещал его? У тебя всегда находилось множество других важных дел.

– Я живу в Лос-Анджелесе, черт побери, – огрызнулся Иван. – У меня бизнес.

– Но хотя бы раз в год можно было прилететь. Неужели это было так сложно?

– Ну вот я и прилетел.

– О да. Господин Большая Шишка прилетает, чтобы спасти положение. Раньше тебя нельзя было отвлекать подобными мелочами. Но теперь ты хочешь быть первым.

– До сих пор не верю, что ты вот так запросто готова отпустить его.

– Я не хочу, чтобы он страдал.

– А может, ты хочешь, чтобы он перестал сосать деньги со своего банковского счета?

Лицо Мэрилин окаменело.

– Ты просто ублюдок.

Кэтрин больше не могла слушать это и предпочла вмешаться:

– Здесь не место для таких разговоров. Пожалуйста, не могли бы вы оба выйти из палаты?

Какое-то мгновение брат и сестра с молчаливой враждебностью смотрели друг на друга, выжидая, кто выйдет первым, словно это и должно было определить проигравшего. Наконец Иван поднялся, и его устрашающего вида фигура в строгом костюме прошествовала к выходу. Его сестра Мэрилин, с виду напоминавшая усталую домохозяйку, коей она, собственно, и была, легонько сжала руку отца и последовала за братом.

В коридоре Кэтрин изложила родственникам печальные факты:

– Ваш отец находится в коме с первого же дня после несчастного случая. На сегодня у него отказывают почки. Они уже были поражены давним диабетом, а травма усугубила ситуацию.

– А насколько ухудшило его состояние хирургическое вмешательство? – спросил Иван. – Какую анестезию вы ему делали?

Кэтрин с трудом поборол вспыхнувшее возмущение и ровным голосом произнесла:

– Он был без сознания, когда поступил к нам. Анестезия здесь ни при чем. Но повреждение тканей дает дополнительную нагрузку на почки, и у вашего отца они отказали. Помимо этого, у него рак простаты, который уже затронул и кости. Даже если он очнется, эти проблемы останутся.

– Вы хотите, чтобы мы отказались от продолжения лечения, не так ли? – спросил Иван.

– Я просто хочу, чтобы вы еще раз подумали и решили, что, если его сердце остановится, нам не нужно его реанимировать. Мы можем дать ему возможность тихо и спокойно уйти.

– Другими словами, дать ему умереть.

– Да.

Иван фыркнул:

– Позвольте мне кое-что сказать вам о моем отце. Он не из тех, кто сдается. И я сам такой же.

– Ради всего святого, Иван, сейчас речь идет не о том, чтобы победить или проиграть! – вмешалась Мэрилин. – Вопрос в том, когда отпустить его.

– А ты так торопишься с этим? – обрушился Иван на сестру. – При первых же признаках трудностей малышка Мэрилин всегда сдавалась, рассчитывая на то, что папочка выручит. Меня-то он никогда не выручал.

В глазах Мэрилин заблестели слезы.

– Ты ведь сейчас думаешь вовсе не об отце. А о том, чтобы остаться победителем.

– Нет, я просто хочу, чтобы ему дали шанс побороться за жизнь. – Иван посмотрел на Кэтрин. – Я хочу, чтобы для моего отца было сделано все необходимое. Надеюсь, это понятно.

Глядя вслед брату, Мэрилин утирала с лица слезы.

– Как он может говорить, что любит отца, если ни разу не приехал к нему? – Она посмотрела на Кэтрин. – Послушайте, я не хочу, чтобы моего отца реанимировали. Вы можете записать это в его карту?

Это была своего рода этическая дилемма, перед которой пасовал каждый врач. Хотя Кэтрин была солидарна с Мэрилин, последние слова брата содержали недвусмысленную угрозу.

– Я не могу изменить предписание, пока вы с братом не договоритесь по этому вопросу, – сказала она.

– Он никогда не согласится. Вы сами слышали.

– Тогда вам придется еще раз поговорить с ним, – как можно мягче проговорила Кэтрин. – Убедить его.

– Вы боитесь, что он подаст на вас в суд, да? Поэтому не хотите изменить предписание.

– Я вижу, что он настроен очень воинственно...

Мэрилин печально кивнула:

– Так он и побеждает. Причем всегда.

«Я могу заштопать, залатать тело, – подумала Кэтрин. – Но не могу склеить эту разбитую семью».

Когда полчаса спустя она выходила из клиники, ей все еще вспоминалась эта встреча, исполненная боли и враждебности. Был вечер пятницы, и впереди ее ждал свободный уик-энд, но она почему-то не испытывала радости по этому поводу. Сегодня жара была еще сильнее, чем вчера, и она стремилась поскорее окунуться в прохладу своей квартиры, налить себе ледяного чая и усесться перед телевизором, настроенным на канал «Дискавери».

Она стояла на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора, когда вдруг взгляд ее выхватил название поперечной улицы. Вустер-стрит.

На этой улице жила Елена Ортис. Адрес жертвы упоминался в статье, напечатанной в «Бостон глоб», которую Кэтрин наконец заставила себя прочитать.

Светофор мигнул. Неожиданно для самой себя она свернула на Вустер-стрит. Она никогда раньше не ездила этим маршрутом, но сейчас что-то неумолимо тянуло ее вперед. Ей непременно захотелось увидеть то место, где побывал убийца, дом, в котором ее собственные ночные кошмары стали явью для другой женщины. Ладони увлажнились, а сердце билось все чаще по мере того, как возрастали цифры на табличках с номерами домов.

У дома Елены Ортис она остановила машину.

В самом здании не было ничего примечательного, ничего, что кричало бы о смерти и ужасе. Кэтрин видела перед собой обычное трехэтажное строение из кирпича.

Она вышла из машины и окинула взглядом окна верхних этажей. В какой из этих квартир проживала Елена? Может, в той, с полосатыми шторами? Или в этой, за ширмой выющихся растений? Она подошла к подъезду и просмотрела имена жильцов. В доме было шесть квартир;

табличка против квартиры 2А пустовала. Имя Елены Ортис уже было стерто, выведено из списка живых. Никто не хотел лишнего напоминания о смерти.

Если верить «Глоб», убийца проник в квартиру через пожарный выход. Вернувшись на боковую улицу, Кэтрин разглядела стальную лестницу, примыкавшую к стене дома со стороны тенистой аллеи. Сделав несколько шагов вперед, она вдруг резко остановилась. По коже поползли мурашки. Она оглянулась назад: по улице проехал грузовик, трусцой пробежала женщина в спортивном костюме. Какая-то пара садилась в свою машину. Ничего подозрительного, и все-таки она не могла унять приступ паники.

Она вернулась к своей машине, закрыла двери и, вцепившись в руль, принялась повторять про себя: «Все в порядке. Все в порядке». Когда из вентилятора подул прохладный воздух, Кэтрин почувствовала, что успокаивается. Наконец, вздохнув, она откинулась на спинку сиденья.

И опять потянулась взглядом к дому Елены Ортис.

Только тогда она заметила машину, припаркованную в тени аллеи. И табличку с номерным знаком на заднем бампере.

«POSEY5».

В следующее мгновение она уже рылась в сумочке в поисках визитной карточки детектива. Дрожащими пальцами она набрала номер его телефона.

– Детектив Мур, – ответил он по-деловому.

– Это Кэтрин Корделл, – произнесла она. – Вы приходили ко мне на днях.

– Да, доктор Корделл.

– Скажите, Елена Ортис ездила на зеленой «хонде»?

– Простите?

– Мне нужно знать номер ее машины.

– Боюсь, я не совсем понимаю...

– Просто скажите мне!

Ее резко прозвучавшая просьба, больше похожая на ультиматум, удивила его. В трубке повисла долгая пауза.

– Сейчас проверю, – сказал он и, видимо, отложил трубку в сторону.

Фоном звучали далекие мужские голоса, звонки телефонов. Вскоре он вернулся на линию.

– Это заказной буквенный номерной знак, – сообщил он. – Думаю, он имеет отношение к семейному цветочному бизнесу.

– «Поузи-пять», – прошептала она.

Пауза.

– Да, – подтвердил он наконец, и голос его прозвучал как-то странно. В нем была тревога.

– Тогда, в разговоре, вы спрашивали, знала ли я Елену Ортис.

– И вы сказали, что нет.

Кэтрин судорожно глотнула воздух:

– Я ошиблась.

6

Она нервно вышагивала по приемному покою пункта скорой помощи; лицо ее было бледным и напряженным, а медные волосы напоминали нечесаную гриву. Когда в дверях показался детектив Мур, она взглянула на него с нетерпением.

– Я была права? – спросила она.

Он кивнул.

– Действительно, под псевдонимом Пузи-пять она была зарегистрирована в Интернете. Мы проверили ее компьютер. А теперь расскажите мне, как вы это узнали.

Кэтрин оглядела приемный покой, в котором, как всегда, царил суматоха, и предложила:

– Пройдемте в кабинет дежурного врача.

Комната, в которую она его привела, напоминала темную маленькую пещеру: окна здесь не было, а обстановкой служили кровать, стул и рабочий стол. Для измученного после дежурства врача, мечтающего отоспаться, комната казалась просто райским уголком. Но Муру стало неловко от такой тесноты, и он задался вопросом, не смущает ли и ее эта вынужденная близость. Они оба огляделись по сторонам, выискивая, куда бы присесть. В конце концов она устроилась на кровати, а он подвинул себе стул.

– На самом деле я никогда не видела Елену, – начала Кэтрин. – Я даже не знала, что ее так зовут. Мы заходили в один и тот же чат-рум. Вы знаете, что это такое?

– Ну, что-то вроде живого общения через компьютер.

– Да. Группа людей, которые в одно и то же время выходят в режим онлайн, могут пообщаться. Это приватный сайт, предназначенный только для женщин. Чтобы попасть туда, нужно знать пароли. И на экране монитора вы видите только псевдонимы. Никаких реальных имен и лиц, так что анонимность гарантируется. Это дает определенную свободу, и можно без опаски обмениваться секретами. – Она сделала паузу. – Вы никогда не пользовались подобным сайтом?

– Боюсь, это не по мне – беседовать с невидимками.

– Иногда, – тихо произнесла она, – невидимка – единственный человек, с которым вы можете говорить.

Он услышал глубокую боль в ее словах и не нашелся что сказать.

Она глубоко вздохнула и устремила взгляд не на него, а на свои руки, сложенные на коленях.

– Мы встречаемся раз в неделю, по средам, в девять вечера. Я захожу на сайт чат-рума, набирая позывные СПТС, а потом: «Женская помощь». И вот я там. Я общаюсь с другими женщинами, отправляя им сообщения через Интернет. Они появляются на экране, где мы все можем их видеть.

– СПТС? – переспросил Мур. – Я так понимаю, что это...

– Синдром посттравматического стресса. Клинический термин, объясняющий душевное состояние таких женщин.

– О какой травме мы говорим?

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза:

– Изнасилование.

Слово как будто повисло в воздухе, накаляя его одним своим звучанием. Жестокий смысл его был равнозначен физическому удару.

– Вы заходите туда из-за Эндрю Капры, – мягко произнес он. – Из-за того, что он сделал с вами.

Она смутилась и отвела взгляд. Потом еле слышно прошептала:

– Да. – И опять уставилась на свои руки.

Мур наблюдал за ней, чувствуя, как закипает в нем злость на того, кто посмел надругаться над этой женщиной. Капра оскорбил не только ее тело, но и душу. Ему вдруг стало любопытно, какой она была до того, что с ней произошло. Была ли она мягче, дружелюбнее? Или всегда сторонилась людей, оставаясь холодной, словно цветок, схваченный морозом?

Кэтрин выпрямилась и, собравшись с духом, продолжила:

– Так и состоялось мое заочное знакомство с Еленой Ортис. Я действительно не знала ее настоящего имени. Для меня она была всего лишь Поузи-пять.

– И сколько женщин заходит на этот сайт? – поинтересовался Мур.

– Раз на раз не приходится. Некоторые вдруг исчезают. Появляются новые имена. В любой из вечеров нас может быть от трех до десяти.

– А как вы узнали о существовании этого сайта?

– Из брошюры о жертвах изнасилования. Ее распространяют в городских клиниках и женских консультациях.

– Итак, можно сказать, что все эти женщины из Бостона и его пригородов?

– Да.

– А Поузи-пять, она регулярно посещала сайт?

Кэтрин на какое-то мгновение задумалась.

– Она периодически появлялась в течение последних двух месяцев. Она мало говорила, но я видела ее имя на экране и знала, что она участвует в разговоре.

– Она рассказывала о том, что с ней случилось?

– Нет. Просто слушала. Мы посылали ей приветствия. Она благодарила. Но о себе ничего не рассказывала. Как будто боялась. Или просто стыдилась откровенничать.

– Выходит, вы не знаете, была ли она когда-то на самом деле изнасилована.

– Я знаю, что была.

– Откуда?

– Потому что Елене Ортис оказывали помощь в этом пункте скорой помощи.

Он удивленно уставился на нее:

– Вы нашли ее историю болезни?

Она кивнула:

– Мне пришло в голову, что после изнасилования ей, возможно, понадобилась медицинская помощь. Эта больница – ближайшая к ее дому. Я проверила по компьютеру. В нем хранятся имена всех пациентов, которых осматривали в этом пункте скорой помощи. Там было и ее имя. – Она встала. – Я покажу вам эту запись.

Мур последовал за ней обратно в приемное отделение. Был вечер пятницы, и в коридоре скопилось немало пациентов с различными травмами. Типичный любитель расслабиться алко-голем прижимал к разбитой физиономии ледяной компресс. Рядом с ним сидел подросток, не успевший проскочить на желтый сигнал светофора. В общем, привычная армия покалеченных горожан. Клиника «Пилгрим» была самым загруженным пунктом скорой помощи в Бостоне, и Мур, пробираясь сквозь строй медсестер и больных, лавируя среди каталок и свежих луж крови на полу, чувствовал себя так, будто оказался в эпицентре вселенского хаоса.

Кэтрин провела его в регистратуру – помещение размером со шкаф, сплошь уставленное стеллажами.

– Вот здесь временно хранятся листки первичного приема, – сказала Кэтрин. Она сняла с полки регистрационный журнал, помеченный «7 мая – 14 мая». – Каждый раз, когда пациент обращается в пункт скорой помощи, заполняется так называемый листок первичного приема. Обычно это одна страница, содержащая пометки врача и его рекомендации по лечению.

– А медицинская карта не заполняется? – уточнил Мур.

– Если это разовый прием, медицинская карта вообще не заводится. Единственная запись остается на этом листке. Потом они поступают в наш центр обработки информации, где их

сканируют и сохраняют на диске. – Она открыла журнал с записями за период с седьмого по четырнадцатое мая. – Вот он.

Он встал у нее за спиной и заглянул в папку поверх ее плеча. Запах ее волос мгновенно отвлек его внимание, и ему пришлось одернуть себя, заставив сосредоточиться на деле. Визит был датирован 9 мая, часом ночи. Имя пациента, адрес и банковские реквизиты были отпечатаны сверху; остальная часть бланка была заполнена от руки. Типичные каракули врача, подумал он, отчаянно пытаюсь разобрать слова, но ему удалось прочесть лишь первый абзац, написанный рукой медсестры:

«22-летняя женщина, испанского происхождения, подверглась сексуальному насилию два часа назад. Аллергии нет, лекарств не принимала. Кровяное давление 105/70, пульс 100. Температура 37,2».

Остальной текст был неразборчив.

– Вам придется перевести это для меня, – попросил он.

Кэтрин обернулась к нему, и их лица вдруг оказались так близко, что он уловил ее дыхание.

– Вы не можете прочесть? – спросила она.

– Я могу читать по протекторам шин и пятнам крови. А это – увы.

– Это почерк Кена Кимбалла. Я узнаю его подпись.

– Я даже не могу определить, написано ли это по-английски, – полушутя проговорил

Мур.

– Для любого врача это вполне читаемо. Просто нужно знать коды.

– Этому учат в медицинской школе?

– Да, наряду с тайнописью и дешифровкой.

Было странно обмениваться остротами по столь мрачному сюжету, и тем более странно слышать их из уст доктора Корделл. Это был первый проблеск женщины, спрятанной в своей скорлупе. Женщины, которой она была до того, как в ее жизнь вторгся Эндрю Капра.

– В первом абзаце запись о физическом осмотре пациентки, – объяснила она. – Врач пользуется медицинской стенографией. «ГУГГН» означает: «голова, уши, глаза, горло, нос». У нее был синяк на левой щеке. В легких чисто, сердечной аритмии не отмечено.

– Что значит?..

– Нормально.

– А разве врач не может просто написать: «Сердце в норме»? – удивленно поднял брови

Мур.

– А почему полицейские говорят «транспортное средство», вместо того чтобы просто сказать «автомобиль»?

Он кивнул:

– Принято.

– Живот мягкий, плоский, без органомегалии. Другими словами...

– Нормальный.

– Вы быстро схватываете. Далее он описывает состояние... малого таза, где уже есть отклонения от нормы. – Кэтрин сделала паузу. Когда она вновь заговорила, голос ее звучал заметно тише, и в нем уже не было и тени юмора. Она вздохнула, словно собираясь с силами, чтобы продолжить. – Во влагалище была кровь. Царапины и синяки на внутренней части бедер. Характер разрыва вагины указывает на то, что это был насильственный половой акт. На этом, как пишет доктор Кимбалл, он был вынужден закончить осмотр.

Мур сосредоточился на последнем абзаце. Его он смог прочитать, поскольку запись не была закодирована.

«Пациентка пришла в волнение. Отказалась от составления акта по факту изнасилования и от дальнейшего осмотра. После ультразвука и сдачи анализа на венерические заболевания она оделась и ушла, не дожидаясь вызова представителя властей».

– Выходит, факт изнасилования зафиксирован не был, – сказал он. – Вагинального мазка не делали. Образцы на ДНК не отбирали.

Кэтрин молчала. Она стояла, опустив голову, крепко сжимая в руках скоросшиватель.

– Доктор Корделл! – Он тронул ее за плечо.

Кэтрин резко дернулась, словно от ожога, и он тотчас убрал руку. Она подняла взгляд, и Мур увидел ярость в ее глазах. В этот момент от нее исходила такая сила, что позавидовал бы любой мужчина.

– Изнасилована в мае, растерзана в июле, – произнесла она. – Как прекрасен мир для женщины, не так ли?

Какое-то время они стояли молча. Потом Мур произнес:

– Мы беседовали со всеми членами ее семьи. Никто даже не упомянул об изнасиловании.

– Значит, она им не рассказывала.

«И сколько таких женщин, хранящих молчание? – задался он вопросом. – Сколько из них держат свою боль в тайне от тех, кого любят?» Глядя на Кэтрин, он думал о том, что и она была вынуждена искать утешения в компании незнакомых людей.

Она достала из папки листок, чтобы он мог сделать фотокопию. Держа его в руке, он обратил внимание на имя врача, и ему пришла в голову еще одна мысль.

– А что вы можете сказать о докторе Кимбалле? – спросил он. – Ну, о том, кто осматривал Елену Ортис?

– Блестящий врач.

– Он обычно дежурит в ночную смену?

– Да.

– Вы не знаете, он дежурил в ночь на прошлый четверг?

Ей понадобилось какое-то мгновение, чтобы оценить смысл этого вопроса. Когда же ей стала ясна подоплека, она была потрясена.

– Вы ведь не думаете...

– Это рутинный вопрос. Мы изучаем все предыдущие контакты жертвы.

Но вопрос был далеко не рутинным, и она это знала.

– Эндрю Капра был врач, – тихо произнесла Кэтрин. – Неужели вы считаете, что еще один доктор...

– Мы не исключаем такой возможности.

Она отвернулась и судорожно вздохнула:

– В Саванне, когда происходили все эти убийства, я полагала, что не знаю убийцу. Мне казалось, что если я когда-нибудь встречу его, то непременно узнаю. Почувствую. Эндрю Капра дал мне понять, как горько я ошибалась.

– Такова банальная сторона зла.

– Именно это я и усвоила. – Кэтрин горько усмехнулась. – Зло может явиться в самом заурядном обличье. И человек, с которым я каждый день встречаюсь, здороваюсь, оказывается, вынашивает коварные планы за моей спиной. – И добавила, уже совсем тихо: – Фантазирует о самых изощренных способах убийства.

Сгущались сумерки, когда Мур возвращался к своей машине, но дневная жара еще напоминала о себе тяжелыми испарениями, поднимавшимися с асфальта. Ночь не обещала комфортного сна. И опять по всему городу будут распахнуты окна в квартирах женщин навстречу хилым порывам ветерка. И ночным монстрам.

Он остановился и повернул назад, к больнице. Ярко-красный крест над пунктом скорой помощи горел, словно маяк в ночи. Символ надежды и исцеления.

«Может, это и есть твоя территория охоты? То самое место, куда приходят женщины, чтобы залечить свои раны?»

Из темноты, вспыхивая огнями, выплыла карета «скорой помощи». Он подумал о том, сколько разных людей проходит за день через приемный покой. Лаборанты, врачи, санитары, уборщицы...

«И полицейские».

Больше всего ему не хотелось рассматривать эту версию, и все-таки ее нельзя было сбрасывать со счетов. Профессия блюстителя порядка могла быть притягательной для того, кому доставляло удовольствие охотиться на людей. Оружие, нагрудный знак были весомыми символами превосходства над другими. И разве это не проявление высшей власти – право истязать и убивать? Для такого охотника весь мир – это огромная долина, кишашая добычей.

Ему остается только выбирать.

Казалось, дети были повсюду. Риццоли стояла в кухне, где пахло кислым молоком и тальком, ожидая, пока Анна Гарсиа закончит вытирать с пола яблочный сок. Начинаящий ходить малыш жался к ноге Анны; второй в это время вытаскивал из кухонного шкафа крышки от кастрюль и хлопал ими друг о друга, изображая игру на тарелках. На высоком стуле сидел карапуз, улыбающийся сквозь маску из шпинатного пюре. А по полу ползал еще один кроха, выискивая что-нибудь опасное и запретное, что можно засунуть в свой маленький жадный ротик. Риццоли не любила детей, и ей было неуютно в их окружении. Она чувствовала себя, словно Индиана Джонс в змеиной яме.

– Это не все мои, – поспешила объяснить Анна, нагнувшись над раковиной. Малыш по-прежнему волочился за ней, словно якорная цепь. Она отжала грязную губку и сполоснула руки. – Мой только этот. – Она указала на прилипшего к ней мальчугана. – Тот, с крышками, и который на стуле – дети моей сестры Лупе. А ползает ребенок моей кухни, я нянчу его. Раз уж я все равно сижу дома со своими, так почему бы не присмотреть?

«Логика сумасшедшей», – подумала Риццоли. Но, что самое интересное, Анна вовсе не выглядела несчастной. Она как будто не замечала повисшей у нее на ноге гири, ее не раздражал грохот крышек. В ситуации, которая для Риццоли обернулась бы нервным срывом, Анна выглядела женщиной, которая точно знает, где ее место, и вполне им довольна. Риццоли подумала о том, что когда-нибудь и Елена Ортис, будь она живой, превратилась бы в такую же наседку. Настоящая мать большого семейства, с удовольствием подтирающая пол в кухне. Анна была очень похожа на свою младшую сестру, отличаясь разве что более пухлой комплекцией. А когда она обернулась и солнечный свет упал ей на лицо, у Риццоли возникло жуткое ощущение, будто она видит перед собой ту женщину, чей труп недавно осматривала в морге.

– С этими маленькими проказниками я совершенно ничего не успеваю, – посетовала Анна. Она подняла болтавшегося на ноге малыша и ловко подсадила его на бедро. – Так, давайте посмотрим. Вы ведь пришли насчет цепочки. Сейчас я принесу шкатулку с украшениями.

Она вышла из кухни, и Риццоли запаниковала, оставшись наедине с тремя ребятишками. На ее колено легла липкая ладошка, и, посмотрев вниз, она увидела, что ползающий малыш жуёт отвороты ее брюк. Она легонько отпихнула его и отодвинулась подальше от беззубого рта.

– Вот она, – сказала Анна, вернувшись со шкатулкой, которую поставила на кухонный стол. – Мы не захотели оставлять это в ее квартире, ведь там постоянно толкуются уборщицы. Братья решили, что мне следует держать ее у себя, пока семья не решит, что делать с драгоценностями.

Она подняла крышку, и зазвучала нежная мелодия «Где-то моя любовь». Анна, казалось, тут же растворилась в музыке. Она сидела не двигаясь, и глаза ее медленно наполнялись слезами.

– Госпожа Гарсиа!

Женщина сглотнула слезы:

– Извините. Должно быть, это мой муж поставил. Я не ожидала услышать...

Прозвучали последние сладостные ноты, и музыка смолкла. В тишине Анна уставилась на украшения, скорбно склонив голову. С печальной неохотой она открыла одно из отделений, выстланных бархатом, и извлекла оттуда ожерелье.

Риццоли почувствовала, как забилося сердце, когда она взяла из рук Анны украшение. Цепочка была в точности такой, какой запомнилась ей еще в морге, когда она увидела ее на шее Елены, – крохотный замочек и ключик на тонкой золотой нити. Она перевернула замочек и увидела на обратной стороне клеймо: «18 карат».

– Откуда у вашей сестры это ожерелье?

– Не знаю.

– А вам не известно, давно ли оно у нее появилось?

– Это, должно быть, что-то новое. Я никогда его не видела до того дня...

– Какого дня?

Анна с трудом проглотила слюну. И тихо произнесла:

– Того дня, когда я забрала это из морга. Вместе с другими украшениями.

– На ней также были серьги и кольцо. Их вы видели раньше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.